

Гонщик

Автор:

[Биби Истон](#)

Гонщик

Биби Истон

44 главы о 4 мужчинах #2Passion. Обжигающая самбука

В гараже, куда Биби Истон приезжает поменять колеса, она встречает Харли – молодого, эффектного механика. Харли – высокий голубоглазый блондин, он может починить любую машину, является легендой здешних мест, его карманы набиты деньгами, и у него самая красивая на свете гоночная машина. У Биби просто нет шансов устоять.

Харли стремительно врывается в ее жизнь. Вместе с ним в нее врываются гоночный трек, умение гонять самой, новые знакомые – и куча новых проблем. Но идеала без недостатков не существует. К чему приведет эта связь и нарастающее между героями напряжение в конце концов?

Поистине ироничный, откровенный и дерзкий роман о молодости, отношениях и маленьких безумствах (впрочем, порой не таких уж и маленьких), без которых мы бы не стали теми, кто мы есть.

Читайте самостоятельный роман и часть цикла «44 главы о 4 мужчинах», рассказывающий об изнанке отношений с так любимыми девушками «плохими парнями». «44 главы о 4 мужчинах» – ироничный, яркий дебют, который тут же попал в «Top-100 Bestseller list» и получил ежегодную награду «After Dark Book Lovers Shortie Award».

"О мой бог. Я не могу перестать смеяться. И читать. Биби, да что же тут происходит?" – Колин Гувер, автор бестселлеров

"Глубокое, забавное, горячее и по-своему поэтичное произведение". – Inked in Chapters

Биби Истон

Гонщик

Эта книга посвящается моим родителям. В качестве извинения за то, что я притащила двадцатидвухлетнего бывшего заключенного с татуировкой на башке на домашний обед... когда мне было всего шестнадцать.

Читать это извинение вам запрещается.

B.B. Easton

Speed

44 Chapters, 2

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2017. Speed by B.B. Easton

Published by arrangement with Bookcase Literary Agency and Andrew Nurnberg
Literary Agency

© Бялко А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Предисловие

В мире есть люди всего двух типов – те, кто читал мою книгу «44 главы о 4 мужчинах», и те, кто не читал. Я рада и тем и другим. Есть, конечно, вариант, что вы не принадлежите к одной из этих групп и ваша фамилия Брэдли или Истон. В этом случае вероятность того, что мы с вами состоим в кровном или брачном родстве, слишком велика, чтобы я могла позволить вам продолжить чтение. Пожалуйста, миссис Брэдли, положите книгу и медленно отойдите. Поверьте мне, миссис Истон. Это для вашего же блага.

Если же ваша фамилия не Брэдли и не Истон и вы впервые сталкиваетесь с Харли Джеймсом, держитесь. Он – воплощение плохого парня с невинным лицом, и он устроил мне ту еще гонку по жизни. В хорошем смысле! Образ Харли в общих чертах списан с моего бывшего приятеля, но его имя, определяющие характеристики и личные качества были изменены и/или преувеличены до такой неузнаваемости, что его и родная мама бы не опознала. Ну, в смысле у нее могли бы закраситься определенные подозрения, но она не смогла бы ничего доказать.

Если же вы принадлежите к первой группе, то вы уже знакомы с Харли – и даже с двумя его версиями. Вы видели его в виде прелестного мерзавца в моих дневниковых записях и в качестве выдуманного героя-любownika в той их части, которые я нарочно подсовывала Кену. Ну что ж, я счастлива сказать вам, что выдуманный герой-любownik Харли будет звездить в этой книге, тогда как ее

сюжет, обстоятельства и действие будут основаны на реальных событиях. Я постаралась представить вам лучшее из обоих миров – сексуального, опасного, татуированного героя и жесткий, страшный, реалистичный сюжет.

Как я уже говорила в «Рыцаре», эта книга – моя правда, но она не является полной, стопроцентной правдой.

(В данном случае тут примерно процентов шестьдесят пять. Максимум – семьдесят пять.)

Хорошего путешествия!

Глава 1

Июнь 1998

Проснувшись утром своего шестнадцатого дня рождения, я не выскочила из постели, чтобы бежать получать права. Я не подумала о назначенной на этот день покупке машины – машины, на которую копила с того момента, как мне исполнилось пятнадцать и я официально получила право на работу. Мне не хотелось идти за покупками, открывать подарки или есть чертов именинный пирог. Мне хотелось проспаться, к чертям, этот день, потому что стоило мне проснуться, как меня начинала пожирать душераздирающая боль. Я чувствовала, как она грызет мое нутро, уничтожает мою когда-то радостную личность, высасывает энергию из моих костей, заглатывает мое стремление жить. Быть живой – больно. Просыпаться больно. А спать – нет.

Неохотно раскрыв глаза, я покосилась на прикроватную тумбочку. Красные цифры на часах говорили, что я опять проспала до полудня. Лежавший тут же черничный кекс с кривовато воткнутой в него свечкой говорил, что приходила мама, которая пыталась меня разбудить. Распахнутые ставни, сквозь которые в спальню светило летнее солнце, давали понять, что она приходила не единожды. А эта маленькая таблетка и стакан воды на тумбочке? Они только разозлили меня.

Я села и начала рыться в набросанном на столике дерьме, пока не нашла свою пачку «кэмел лайт». Пренебрегая водой и пищей, я выбрала яд. Сделав первую, глубокую, успокоительную затяжку, я ждала ее расслабляющего эффекта, но даже курево перестало приносить радость. Как и со всем остальным, это стало просто рутинной.

Поднести руку ко рту.

Вдохнуть.

Выдохнуть.

Повторить.

Я стряхнула пепел в пустую жестянку тут же на столике и уставилась на таблетку, которую принесла мне мама, – крошечную белую надежду, обернувшуюся очередным разочарованием. Я взяла ее в руку и внимательно рассмотрела. Если бы на ней не было выдавлено PROZAC, можно было бы предположить, что родители просто дают мне мятные конфетки.

Эта херня не работала. Не делала ничего, лишь приглушала яркие цвета моего мира, превращая его во что-то грязно-серо-унылое. Вместо моих привычных чувств, всей этой яркой смеси яростно-кричащего алого, пенящейся и клубящейся лазури и предостерегающе мигающего желтого мой внутренний мир теперь был серым, как облако дыма, висящее в пространстве между полом и потолком моей спальни. Серым, как моя кожа, которая западала между ребрами в грудную клетку и болталась в провалах щек и глазниц.

Серым, как поблекшая татуировка рыцаря на внутренней стороне моего левого безымянного пальца.

Я зашвырнула прославленную мятную таблетку через всю комнату, слушая щелк-щелк-щелк, с которым она отлетела от стены, прокатилась по моему столу – сделанному из двери, лежащей на двух офисных тумбочках, которые мама подобрала в Армии Спасения и покрасила в черный цвет, – и приземлилась на кучу сияющего нейлона цвета хаки, валяющуюся на полу.

Моя грудь сжалась, как будто кто-то за спиной туго затянул на мне шнурки невидимого корсета. В уголках глаз собрались слезы, потому что перед ними замелькали знакомые картинки. Скинхед, стоящий возле моего школьного шкафчика и надевающий мне на плечи маленькую темно-зеленую летнюю куртку, чтобы согреть мою вечно мерзнущую шкуру. Его улыбка, с которой он поворачивает меня к себе, радуясь, что куртка подошла. Я никогда раньше не видела такой улыбки. Мне захотелось, чтобы он улыбнулся снова, но вместо этого он только нахмурился, когда я сказала, что не могу взять его подарок. Когда я, как и все остальные, отвергла его.

Зажмурив глаза, я прижала к ним ладони, пытаюсь избавиться от этих воспоминаний. Но они становились все навязчивее. А доктор вел себя так, словно перед ним был случай обычной подростковой депрессии. Как будто мне нужно было всего лишь немножко успокоительных. Как будто то, что ты видела, как твой психопатический, перекачанный стероидами бойфренд забивает человека до смерти, это нормально. Как будто, когда твой друг детства совершает самоубийство, а ты помогаешь рожать своей лучшей подруге, истекающей кровью, и все это в один и тот же день, это тоже нормально. Как будто, когда твоя первая любовь внезапно вступает в Корпус Морского Десанта, а ты тут же узнаешь, что он, похоже, изменял тебе с геем, это тоже нормально.

Так вот, все это – ни фига не нормально. Это тяжело. Общий вес всех этих травм тянул меня вниз, и я была слишком слабой, чтобы выплыть из-под него на поверхность. Слишком усталой. Вместо этого я уселась там, внизу, глубоко на дне, прикидывая, на сколько мне может хватить дыхания. И, хотя глаза щипало от никотина, а не от хлорки, мои замедленные движения, вес, давящий на меня сверху, перемежающиеся приступы паники и отчаяния были все такими же.

Я тонула.

Просто недостаточно быстро.

Не раздумывая, я потушила сигарету и поднялась. В моих заплаканных глазах плясали звезды, а поле зрения угрожающе сужалось, но я, ведомая яростью, прорвалась сквозь тошноту. Схватив со столика злосчастную выпечку, я кинулась в родительскую ванную в поисках облегчения.

По привычке я швырнула кекс в унитаз и спустила воду, уничтожая следы преступления. Раньше я не жрала, чтобы быть худой и красивой, как Кейт Мосс. А теперь не жрала потому, что ни хрена не могла жрать.

Потому что это меня пожирала.

Я торопливо распахнула мамин шкафчик для лекарств, готовясь проглотить все его содержимое, которое только найду, просто для того, чтобы заглушить эту боль.

Но там было пусто.

Я распахнула вторую половину двойной зеркальной створки, открывая папину часть. Пусто. Все рецептурные опиаты, успокоительные таблетки, мышечные релаксанты, которые были там всегда, куда-то исчезли. Даже обезболивающие и сиропы от кашля, которые продают без рецепта, словно растворились в воздухе. И, сколько я ни рылась во всех ящиках, полках и шкафах, я не нашла ничего, кроме салфеток, косметики и туалетных принадлежностей.

Нет.

Нет.

НЕ-Е-ЕТ!

Мое сердце заколотилось, а комната начала вращаться вокруг своей оси. Я бежала сюда, рассчитывая найти выход из кошмаров, а вместо этого оказалась в западне. Выхода не было, вокруг меня сжимались стены.

Задыхаясь, я ухватилась за край раковины и закричала:

– Мам! Ма-а-а-а-ам!

Еще до того, как я услышала ее шаги по скрипучим ступеням лестницы, ноги перестали держать меня.

– Господи, Биби, – сказала мама, войдя и обнаружив свою истощенную дочь на коленях возле раковины, прижавшуюся лбом к шкафчику под ней. – Что стряслось?

Все. Все, что можно, на фиг.

– Я не могу найти аспирин, – выдавила я.

– У тебя болит голова, детка? – спросила мама своим милым, сочувственным голосом, от которого мне всегда хотелось залезть к ней на ручки и поплакать.

Зажмурившись, я кивнула и уперлась головой в шершавую деревянную стенку.

– Бедная детка. Наверно, это мигрень? Сейчас я найду тебе экседрин.

Вместо того чтобы открыть шкафчик или ящик, мама открыла свой шкаф в спальне, позади меня. Обернувшись, я увидела, как она отодвинула висящие на вешалке платья в сторону и стала вертеть направо-налево ручку сейфа. Я не видела, что мама делала внутри, когда сейф открылся, но слышала знакомый шорох лекарственных упаковок, которые она перебирала в поисках нужного.

Наконец мама протянула мне две белые таблеточки, а я спросила обвиняющим тоном:

– А почему все лекарства теперь там?

Мама обвела ванную взглядом и начала наматывать на палец длинную рыжую прядь. Она всегда так делала, когда чувствовала себя неловко.

– Ну, детка, – сказала она, грустно улыбнувшись и наконец поглядев на меня своими зеленовато-карими глазами. – Этот психолог, к которому мы тебя водили, сказал, что было бы неплохо спрятать все лекарства в доме... И оружие тоже. Ну, знаешь, пока тебе не станет лучше.

Эти слова вышибли из моих легких даже то небольшое количество воздуха, которое там было. Я смотрела на мамино лицо, и по моим впалым щекам катились слезы. Ее слабая улыбка не могла скрыть боль в измученном взгляде. И

тут я, к черту, не выдержала. Вся тяжесть ситуации обрушилась на меня, и все мое тощее тело затряслось в громких всхлипываниях.

Мама только что спасла мне жизнь.

Сев на пол рядом со мной, мама притянула меня к себе и принялась утешать.

– Знаешь, – сказала она, глядя меня по плечу шершавой от рисования, лепки и красок рукой. – Мне кажется, тебе стоит перестать пить эти таблетки. Я тут почитала, одной из побочных антидепрессантов у подростков могут быть суицидальные мысли.

– Правда? – спросила я, вытирая подолом майки нос и глаза. Я надеялась, что она права. Если в том, что я почти натворила, виноваты таблетки, то я не такое уж чудовище, каким себя чувствую.

– Правда. Знаешь, детка, я думаю, тебе просто надо пережить это. Ты не хочешь сходить к психологу? Или порисовать? Ты раньше любила рисовать. Или, может, начать писать? Знаешь, я читала, что писать людям письма и потом рвать их – тоже хорошее средство от депрессии. Или я видела это по телевизору?

Сидя на полу, прислонившись спиной к шкафчику под раковиной, натягивая на лицо майку, в которой спала несколько дней подряд, я кивнула.

– Может быть, я попробую, – пробормотала я в мокрую от слез ткань. А потом, сделав глубокий вздох, подняла голову и, ради мамы, выдавила улыбку. – Когда мы купим мне машину.

Конечно, прежде, чем я смогла забрать свою машину, мне пришлось отстоять двухчасовую очередь в Отделе регистрации экзаменов, сделать попытку запарковать мамин «форд таурус» на глазах у апатичной тетки с блокнотом, провалиться и снова отстоять очередь, чтобы сделать свою фотографию с бритой головой и ввалившимися глазами.

Никому не нравятся их фоточки на права, но на мою было просто больно смотреть. Я выглядела на ней как раковый больной. Или тяжелый наркоман.

Казалось, я вот-вот умру.

Потому что я умирала.

Из-за парня.

На самом деле все, что я делала до сих пор, так или иначе было ради парней. Одно из моих самых ранних воспоминаний – это как я позволила своей детсадовской любви отрезать одну из своих косичек. Совершенно естественно, если учесть, что с тех пор я только и делала, что раздавала куски себя разным парням. Может, именно поэтому я и весила на пятнадцать кило меньше нормы. Я просто слишком много раздавала.

С правами в руках я отправилась на встречу с хозяином «мустанга». Я была девушкой со страстью к мощным машинам и бюджетом на крошку мини, но умудрилась найти себе «мустанг-пикап» 93-го года с пятилитровым двигателем и, к своему ужасу, ручной коробкой передач, но довольно дешево. Мне все равно на него не хватало, однако мама согласилась одолжить мне недостающее из своих небольших сбережений, чтобы все получилось. Думаю, она даже больше, чем я сама, была рада, что мне больше не придется просить парней подвезти меня.

Казалось бы, я должна радоваться. Я хотела машину – именно «мустанг» – сколько себя помнила. Но, сидя в своей новой (хотя и не новой) машине возле нашего дома, я представила себе лица тех, кто не будет сидеть на моем пассажирском сиденье, и зияющие дыры в моей жизни стали еще ощутимей.

Рыцарь? В тренировочном лагере.

Джульет? Сидит с младенцем.

Август? Умер.

Ланс? Умер для меня.

Прежде чем эта волна сожалений успела вырваться наружу и захлестнуть приборную доску, я увидела, как к дому подъезжает потрепанная старая

«тойота» со светящимся знаком доставки пиццы на крыше. Мы с родителями жили в небольшом сером домишке посреди заустений Джорджии. Маме это нравилось, потому что она могла не скрывать тут свое пристрастие к траве, папе это нравилось, потому что ему вечно казалось, что правительство следит за ним и пытается украсть его оружие. Но я ненавидела это, потому что до всех моих друзей отсюда было как минимум полчаса езды. Ну, когда у меня были друзья.

Вздыхнув, я сползла на сиденье пониже, чтобы избежать какого бы то ни было общения.

Я хотела услышать, как уезжает развозчик пиццы, но вместо этого услышала, как меня зовет мама:

– Биби... Би-и-и... Би-и-и-и-и-и... Детка, иди есть! – совершенно разрушая мое укрытие.

Снова вздохнув, я вышла из машины, пригнув голову, чтобы не встречаться взглядом с уходящим развозчиком. Мне не хотелось видеть его реакцию на крошечное, хрупкое, бледное существо неопределенного пола, вылезшее из машины с закрытыми наглухо окнами в середине июня. Я и так знала, что выгляжу, как Голлум, впервые вылезший из своей пещеры на свет. И мне не нужно было читать это на лице незнакомца.

Вместо обычной еды с подносов перед телевизором в гостиной мы с родителями соорудили обед на кухне за «стойкой» – высоким столом из дешевой формайки с парой барных стульев, которые мама разыскала на распродаже, – чтобы исполнить обязательный именинный ритуал. После пиццы, к которой я не притронулась, мама вручила мне свой очередной фирменный, бесформенный, слегка подгорелый самодельный кекс. Будучи верны себе, родители не смогли найти свечек, так что мама зажгла спичку и воткнула ее в глазурь. Они с папой спели мне: «С днем рождения», и я вежливо улыбнулась, считая минуты до момента, когда я смогу уйти к себе в комнату и закурить.

Когда я закончила гонять по тарелке крошащийся кусок кекса, скармливая его нашему ретриверу, папа протянул мне листок бумаги.

– С днем рождения, детка. – сказал он с улыбкой.

Этот человек не работал уже много лет, так что я знала, что подарок на самом деле от мамы, но тот факт, что он сиял от уха до уха, вручая его мне, говорил о том, что он сам его выбрал – что бы это ни было.

Когда я развернула листок, нахмуренная морщинка между моими бровями разгладилась, и они поднялись высоко на лоб. Там были нарисованы четыре сияющих автомобильных колеса из твердых сплавов. В купленном мной «мустанге» стоял самый позорный набор пластиковых колес с вытертыми почти налысо шинами, но мне даже в голову не приходило попросить заменить их.

– Мама хотела, чтобы у тебя были просто надежные колеса, но я уговорил ее на небольшой апгрейд, – сказал папа, подмигнув. – И у тебя в понедельник назначено время в A&J Auto, чтобы их заменили.

Тот, кто сказал, что счастья за деньги не купишь, просто никогда не дарил набора твердосплавных колес на шестнадцатилетие девочке из рабочей семьи. Думаю, я улыбнулась впервые за несколько недель. Улыбнулась? Господи, да я завизжала. Я запрыгала. Я обняла их обоих.

Потом я побежала к себе наверх, сунула в рот сигарету и позвонила своему последнему другу, чтобы рассказать новости. Когда Джульет, перекрикивая вопли младенца, спросила, хорошо ли прошел день рождения, я сказала да. И, к собственному удивлению, была практически искренна.

Глава 2

Понятно, что A&J Auto был самым дешевым гаражом в городе – и не без причин. Место было мрачным, и его, казалось, декорировал слепец где-то в 70-х годах. Низенький, лохматый, похожий на тролля мужик поприветствовал меня глухим фырканьем, взял мои ключи и исчез, оставив меня у стойки.

Не зная, чем заняться, я прошла в дверь, которая, как я думала, вела в прокуренную комнату ожидания, но вместо этого обнаружила, что попала в основной гараж. Я тут же развернулась бы и ушла, но машина, стоящая на ближайшем ко мне подъемнике, приковала мое внимание.

Это была любовь с первого взгляда. «Мустанг» конца 60-х, с гоночным корпусом, матово-черного цвета, затемненными окнами и большим окном на крыше. Он выглядел так, словно попал сюда прямо из кино.

– Я могу вам помочь?

Обернувшись, я встретила заинтересованный взгляд широкоплечего голубоглазого механика с каким-то прямо юным, невинным, почти детским лицом. Его светло-русые волосы были стянуты сзади в большой пучок. Руки выше локтя покрыты густой сетью татуировок. В нижней губе торчало колечко. А на рабочей майке с эмблемой гаража, обтягивающей мощную грудь, было вышито его имя.

Приве-е-е-ет, Харли.

– Простите, – начала запинаться я. – Я знаю, мне, наверно, сюда нельзя, но я... – Я обернулась на зверюгу, стоящую на подъемнике, и мою грудь стиснула тоска. – Я не могла от нее уйти.

Харли – если это вообще было его имя – хихикнул и сказал:

– Так вам нравятся девочки?

– Что? Нет! – воскликнула я.

– Хорошо, – улыбнулся механик, и лукавый блеск в его глазах напомнил о том, как мне когда-то нравились мальчики.

Стараясь вернуться от обсуждения моей сексуальной ориентации к машинам, я огляделась и указала на свой выцветший черный пикап на дальнем подъемнике.

– Я вожу детскую версию вот этой.

Харли глянул на мое самое ценное имущество и одобрительно кивнул:

– Пятерка? Неплохо. Ручник или автомат?

- Ручник, - простонала я.

- Че, правда? Твой парень научил тебя водить эту штуку?

- Нет, - сказала я, приоткрыв рот в притворной обиде.

- А-а, - кивнул Харли. - Ты встретила его уже после покупки машины.

- У меня вообще нет парня, - сказала я, закатив глаза.

Он был симпатичным. Лицо как у Джеймса Дина, а тело как у Дина Кейна. И этот выговор. На юге южный выговор слышен на каждом шагу, но у Харли он был настолько легким, что это было ужасно мило. Мило, мило, мило.

Ухмыльнувшись, Харли спросил:

- Значит, это твой старик разбирается в тачках?

- Угадал, - улыбнулась я. - Я с детства смотрела все его журналы про старые машины. И всегда вырезала картинки с «мустангами» и вешала на стенки, но скотч их портил, и тогда мама купила мне такую прозрачную занавеску для душа с кармашками, и я...

Харли поднял руку, чтобы я замолчала.

- Я должен остановить тебя, - просиял он. - Потому что сейчас не могу думать ни о чем другом, кроме как о тебе в душе, и поэтому все равно не воспринимаю ни единого твоего слова.

Боже мой!

Я почувствовала, как у меня краснеет шея. Я прикусила изнутри обе щеки, чтобы мое лицо не расплывалось в улыбке до ушей, которую вызвал этот небольшой, но горячий комплимент. Этому парню, Харли, должно быть, было лет двадцать с небольшим, он был кле-е-е-евый, и он со мной кокетничал.

Не имея представления, что ему ответить, я снова попыталась сменить тему.

– Ну, а ты что водишь?

– Хм-м-м-м. – Харли склонил голову набок и улыбнулся. – Попробуй угадать.

О, теперь мы играем в игры... Ла-а-а-одно...

Я побарабанила пальцами по губам и смерила его глазами.

– Ты кажешься мне... парнем с «фольксваген-жуком».

Харли сначала рассмеялся, но потом скорчил гримасу, изображая обиду.

– Что, нет? О, я знаю. «Крайслер PT Cruiser».

Харли поджал пухлые губы, усиливая гримасу.

– «Пинто» с деревянной панелью?

Он в ужасе сморщил нос.

– Знаю, знаю! Это был вопрос на засыпку! У тебя мотороллер!

Фыркание.

У меня кончились идеи, я огляделась вокруг и увидела «импалу» 64-го года с откидным верхом.

– О-о-о, я нашла. Вот она, тут, – сказала я, указывая на нее. – И такая клевая золотая каемочка. Я уверена, ты поставил в нее гидравлический подъемник.

Харли больше не мог удерживать смех. Он оказался низким и хриловатым, и у меня все сжалось внутри.

– Уже теплее, – сказал Харли. – И в ней тоже есть гидравлика. – Подняв испачканный машинным маслом палец, Харли указал на черную секс-машину возле меня.

– Нет! – завизжала я, хлопая его рукой по груди. – Не может быть!

– Да. Это моя старушка, – просиял Харли.

– Боже мой! Господи! Она твоя! Вот прям твоя? И ты на ней едешь? Черт возьми! Какой это год? 69-й? А какой там мотор? Она вся родная?

Харли склонил голову набок и сказал:

– Говоришь, ты девушка мощных машин? Вот сама и скажи.

– Черт. – Я потерла руки, принимая вызов. – Так, посмотрим... Если это 69-й, а я думаю, это он, тогда это должна быть GT, «мач» или «босс». Или E, но они страшно редкие. У GT слегка другой капот, и я уверена, что «мач» делали с другими спицами на колесах. Значит, это «босс», да? Но это «Босс 302» или «Босс 429»? Фух!

Харли тихо присвистнул и несколько раз хлопнул перемазанными ладонями.

– Черт, девочка. Если б ты не была такой юной, я б на тебе женился.

Я рассмеялась, но не могла понять, в чем тут подвох. Владелец такой машины, с таким лицом и таким телом флиртовал со мной!

Не в силах сдержаться, я сказала:

– А знаешь, в шестнадцать лет в штате Джорджия можно жениться, если у тебя есть разрешение от родителей.

Рассмеявшись, Харли ответил:

– Ни фиги себе. Знаешь, я лучше поскорее начну коптить на кольцо, потому что мне не хочется тебя потерять.

Мой желудок сделал двойное сальто с переворотом и приземлился обратно.

Я снова решила сменить тему с нашей предстоящей помолвки обратно к машинам, хотя бы для того, чтобы прийти в себя.

– Так это 302-й или 429-й? – спросила я, кивая на матово-черный оргазм на колесах позади нас.

– Думаю, тебе придется подождать, пока ты не выяснишь это сама.

– Ну-у, – заныла я. – Это сколько ж придется ждать?

– До вечера. – Харли ухмыльнулся, словно сам дьявол, собирающийся завлечь очередную грешницу. – Я приглашаю вас на трек, леди!

Глава 3

Леди? Леди. ЛЕ-Е-Е-ди. Ле-ДИ-И.

По пути домой из гаража я снова и снова прокручивала в голове разговор с Харли – клевым, татуированным механиком с детским лицом. Мало того что я улыбалась второй день подряд, я улыбалась, просто не переставая. Я была за рулем своего собственного «мустанга» – с блестящими новыми колесами, спасибовсембольшое, – и у меня сегодня было свидание с самым сексуальным сукиным сыном, какого я видела в жизни.

И он назвал меня леди.

Леди. Мне это нравилось. Это было так по-взрослому. Сильно. Леди – это кто-то, заслуживающий уважения. А Рыцарь всегда называл меня только Панк.

Панк (сущ.) – жаргон.

1. Кто-то или что-то несущественное
2. Юный хулиган; рэкетир
3. Неопытный юнец
4. Младший гомосексуальный партнер мужского пола
5. Тюремный жаргон. Мальчик

Очень подходяще, особенно с учетом того, что в тот день, когда Рыцарь уехал в Морской Корпус, Ланс Хайтауэр – панк-рок, предмет моих воздыханий с шестого класса – сказал мне, что сосал Рыцарю все то время, что мы с ним встречались. То есть Рыцарь изменял мне с парнем. И не просто с каким-то парнем, а с тем, в которого я была влюблена до того, как Рыцарь ворвался в мое сердце.

А еще Ланс сказал мне, что единственная причина, по которой я понравилась Рыцарю, это то, что я выгляжу как мальчик.

Как панк.

Взглянув в зеркало заднего вида, я громко вздохнула, понимая, что мои волосы с того времени не выросли чудесным образом сантиметров на сорок. Прошлой осенью я сбрила их почти наголо, оставив только челку и две длинные пряди по бокам, все это – в попытке обратить на себя внимание Ланса. Очевидно, мой план сработал как-то не так.

Вместо Ланса меня заметил Рональд «Рыцарь» Макнайт, единственный в нашей школе скинхед. Он месяцами преследовал меня, доставал, разогнал всех моих друзей и, в конце концов, вынудил меня полюбить его. Когда я влюбилась, то влюбилась сильно. И, когда я уже была готова поднести ему себя на тарелочке, Рыцарь оттолкнул меня. Захлопнув дверь, он в одночасье превратился из моей любви в моего мучителя. Он игнорировал меня, оскорблял, даже применял ко

мне физическую агрессию. А потом взял и записался в Морской десант, чтобы спасти меня от отсутствия самоконтроля.

С его отъезда прошло три недели. Эти три недели каким-то образом ощущались и как три дня, и как три десятилетия одновременно. Я смирилась с тем, что все кончено. Это было задолго до отъезда Рыцаря в тренировочный лагерь. Но то, чего я не могла принять, что продолжало грызть меня изнутри, это вопрос о том, изменял мне Рыцарь или нет.

Я хотела понимать, что мне чувствовать. Скучать мне по Рыцарю или ненавидеть его? Он действительно изменял мне или Ланс все это придумал? Лансу нельзя было особо доверять – да что уж, он был злобным мелким выпендренником, – но, если честно, я отчасти надеялась, что он сказал правду. И тогда я, для разнообразия, могла бы злиться.

Потому что я уже чертовски устала грустить.

Я подъехала и, притормозив возле голубого почтового ящика рядом с почтой, вытащила из своей бесформенной пушистой сумки леопардовой расцветки помятый конверт, адресованный Рекруту Рональду Макнайту. И замерла в нерешительности, глядя на письмо. Порвать его, как предлагала мама, или же сказать «хрен с ним»?

Как бы мне ни хотелось со всем покончить, было страшно отправлять письмо. Я знала, что от этих моих слов Рыцарь взбесится. По-настоящему.

А когда Рональд Макнайт впадал в бешенство, люди вокруг страдали. И исчезали.

Людям разбивали головы бейсбольной битой.

Гудок, раздавшийся позади, испугал меня, и мое тело среагировало машинально. Левая рука высунулась в окно и швырнула тикающую бомбу в прорезь почтового ящика. Левая нога выжала сцепление. Правая нога надавила на газ, но моя координация была настолько слабой, что машина скакнула вперед, дико затряслась и заглохла.

Почти так же, как мое сердце, когда я поняла, какую херню только что сотворила.

Рекр. Рональд Макнайт

Отдел Рекрутов Морского Корпуса

283 Бульвар Де Франс

Пэррис Айленд, ЮК 29905

22 июня 1998

Дорогой Рыцарь,

Пег дала мне твой адрес. Надеюсь, ты не против.

Вообще-то мне насрать, против ты или нет. Я тебя больше не боюсь, потому что тебя ни хрена тут нету. Ты уехал в Морской Корпус служить своей стране и беречь меня от жизни с тобой. Верно? Ты же мне так сказал?

Ну, а Ланс Хайтауэр рассказал мне тут другую историю, которая началась с того, что ты давал ему сосать свой член на студенческой парковке, а кончилась тем, что ты отлупил его в клочья и устроил так, чтобы на следующий день его исключили из школы. Я всегда подозревала, что это ты его заложил. Я думала, это потому, что ты разозлился из-за того, что он давал мне мет, но это ведь не имело отношения ко мне, да? Ты хотел убрать Ланса, чтобы не вспоминать о том, что ты с ним делал.

Я сперва не хотела в это верить, но чем больше я думала, тем больший все это имело смысл. Ты всегда говорил, что Ланс – гей, даже до того, как он признался. Я видела вас в тот день вдвоем на парковке. Ты в тот же день избил его. Ты принимал стероиды, водил свой жуткий грузовик и одевался как скинхед. Ты

поступил в десант.

Ты все время боролся со своей сущностью, пряча это под всевозможными мужскими штуками, которые только мог придумать. А когда все это не сработало, ты убежал от этого всего.

Мне все равно, гей ты, би или просто ни хрена не понимаешь. Дело не в этом. Дело в том, что, кто бы ты ни был, ты скрывал это от меня. Ты заставил меня поверить, что то, что у нас было, было настоящим. Но это все была иллюзия, верно? Ты никогда меня не любил. Ты мне врал. Ты мной манипулировал. Ты превратил мою жизнь в ад. А теперь я узнала, что ты мне еще и изменял.

Я не жду от тебя объяснений. И даже не хочу их. Я уверена, что бы ты ни сказал, это все равно снова будет чертово вранье. Я просто хочу, чтобы ты знал, что я наконец знаю правду.

Может, теперь это не будет так дико болеть.

Счастливо.

ББ.

Глава 4

– Джулс, у меня через два часа чертова свиданка, а я ни хрена не знаю, что мне надеть! Ты мне нужна! – Зажав свою блестящую «нокиа» между плечом и щекой, я подпрыгивала на месте, стараясь втиснуться в виниловые штаны питоновой расцветки.

– Свиданка? Да ты последние две недели от депрессии из дому выйти не могла, а тут вдруг у тебя свиданка? С кем это ты намылилась? С почтальоном? Потому что, я уверена, это единственный парень, которого ты видела после учебного года.

Джульет даже в лучшие дни была резкой, а уж теперь, когда ее бойфренд был в тюрьме, а сама она сидела дома с младенцем, она стала злющей гормональной сукой. Хотя я не возражала. Разговор с ней всегда напоминал мне, что у других бывает похуже моего.

– Уж кто бы говорил. Я уверена, ты и сама не выходишь из дому, – поддразнила я.

– Я только что родила, на хрен! У меня сиськи текут. Я все еще в шмотках для беременных, и я три дня не была в душе!

Рассмеявшись, я сунула ноги в свои потрепанные черные бойцовские ботинки.

– Отговорочки. Итак, вернемся ко мне. Я думаю – питоновые штаны, ботинки, ясно дело, и, может, простой черный топ. Я хочу быть секси, но не напряжно. Этому парню, думаю, уже за двадцать.

– Вообще-то у нас сейчас июнь, забыла? Там, типа, сто градусов на улице. Не знаю, как ты собираешься выжить в этих штанах из кожзама и в своих говнодавах.

– Я мерзну в шортах! – взывала я, отстраняя телефон от уха, чтобы просунуть свою руку-палку в бретельку черного кружевного топа.

– А во-вторых, этот взрослый мужик знает, сколько тебе?

– А какая разница? Я достаточно взрослая. Шестнадцать – официальный возраст согласия в Джорджии. И потом, твоему-то было вообще двадцать шесть, – ответила я более ядовито, чем собиралась.

– Бывшему. И, гос-споди, успокойся ты, Судья Джуди. Я просто спросила.

– Извини. Фу. Я психую. Я не хочу, чтобы он смотрел на меня как на младенца, понимаешь? – Я встала перед своим зеркалом в полный рост и повертелась во все стороны. С моей черной подводкой и красным лифчиком «вандербра» на водяной подушке я выглядела на все семнадцать. Ну почти.

- Ну, и кто же этот счастливец? - пошла ва-банк Джульет.

- Ой, Джулс, он такой милый, - заверещала я. - Его зовут Харли, он механик в гараже, где я сегодня меняла колеса, и у него обе руки в тату, и пирсинг в нижней губе, и он так офигенно флиртует, и у него такие секси светлые волосы, и, боже, - я перевела дух, - он водит охрененный «Босс 429» 1969 года! Ну, или, может, это 302-й, но я почти уверена, что 429-й! И я думаю, он может дать мне порулить...

- Харли Джеймс? - перебила меня Джульет, и ее тон прозвучал с гора-а-а-аздо меньшим энтузиазмом, чем мой.

- Ага! - Это было имя, которое механик забил в мой телефон, прежде чем я уехала из гаража. - Ты его знаешь?

- Да его все знают! Он, типа, был главным панком в Персиковой Старшей! Разве ты не помнишь? Такие светлые волосы, как у Билли Идола, и его выперли из школы в одиннадцатом классе за то, что он дал в морду завучу! О, и я слышала, он к тому времени переспал чуть ли не с сотней девчонок.

Я припоминала какие-то такие слухи, но мы тогда были, типа, классе в шестом, так что они не произвели на нас большого впечатления. Плюс я тогда помирала по другому шикарному панк-рок-богу в собственном классе - Лансу Хайтауэру.

- А, ну да, - сказала я, притворяясь, что помню, о ком она говорит, и продолжая рыться в своей косметичке.

- Так что, детка, лучше предохраняйся, - предупредила Джульет. - Этот парень - бабник.

- Ладно, мамочка, - проскулила я. - А как ты думаешь, бабникам нравится светлая или яркая помада?

- Лучше выбирай светлую, с учетом того, что она потом может размазаться по всему его члену.

– Фу! – завизжала я, и Джулс разразилась утробным смехом. Было так здорово снова его услышать, даже если она смеялась надо мной.

– Черт, кажется, я разбудила младенца, – сказала Джульет, отсмеявшись. – Тьфу ты. Вот, кстати, еще одна причина предохраняться. Это – хуже всего.

– Детка, я видела, как ты его рожала. Поверь мне, я с тех пор жру противозачаточные, как конфеты.

Джульет хихикнула, но я услышала печаль в ее смешке.

– Веселись, – сказала она, и вой на заднем плане сменился хлюпаньем и чавканьем. – И берегись.

– Что, твоя сиська сейчас у кого-то во рту, да? – спросила я, пытаюсь разрядить обстановку.

– Ну да, – сказала Джульет. – Думаешь, одна ты тут делом занимаешься?

Глава 5

Хоть я и старалась точно следовать всем указаниям, нацарапанным на обороте квитанции из A&J Auto, я все равно раза три пропустила нужный поворот. Харли предупредил, что там не будет никаких указателей, но он ничего не сказал о том, что улица окажется в процессе зарастания чертовым лесом.

«Ничего, это не опасно, – думала я, пробираясь со скоростью десять километров в час по тому, что, возможно, было проездом к сараю для изнасилований. – Взрослый человек, которого ты никогда раньше не видела, назначил тебе встречу в месте без адреса и без указателей, посреди чертова леса, и ты согласилась, потому что он сказал, что, может, даст тебе порулить своей машиной. Тупица, да ты бы лучше сразу забралась в фургон к незнакомцу за конфеткой».

Но мой извечный идиотский оптимизм отказывался слышать голос разума, огрызаясь в ответ: «Ну да, но я же видела и конфету, и незнакомца. И они стоили того, чтоб залезть в тот фургон».

Как раз в этот момент дорога вышла на вершину холма, и меня неожиданно ослепило шестичасовое летнее солнце. Опуская темные очки в оправе в форме красного сердечка с макушки на лицо, я притормозила почти до полной остановки и уставилась на кратер размером со стадион, лежащий внизу. Он выглядел так, словно подрядчик расчистил место для постройки квартала. Там были проложены и покрыты асфальтом основные улицы – большой овал и несколько проездов тут и там, но не было никаких домов. И никаких котлованов. Там не было ни переносных сортиров, ни строительных вагончиков, вообще никаких следов никакого строительства. Там были только грязь, асфальт и самая сексуальная в мире машина.

«Босс» был припаркован у подножия холма, и, хотя на него нещадно светило солнце, он не блестел и уж точно не сиял. Матовое черное покрытие поглощало свет и пожирало его, как матовая черная дыра на матовых черных колесах.

И, опираясь на нее – с сигаретой, в черных брезентовых штанах, черных ботинках, с цепью и в черной майке, – стоял человек, достойный ее водить.

Харли чертов Джеймс.

Услышав, как я спускаюсь с холма, Харли поднял голову и улыбнулся, отчего я стала нервничать немного меньше. Или больше? Может быть, нервничать меньше, а заводиться больше? Но, как бы там ни было, это повлияло на мой мозг, потому что, доехав до него, я переключила машину на первую передачу, подняла ручной тормоз и сняла ногу со сцепления... И все это – не выключая мотора. Машина затряслась, скакнула вперед и великолепнейшим образом заглохла.

Взвизгнув, я закрыла лицо руками, а Харли, не спеша, пошел ко мне.

«Биби, будь крутой, крутой. Ты же крутая. Верно? Ну так и будь крутой. Что сделала бы крутая телка, если бы заглохла на глазах суперкрутого взрослого мужика?»

Отняв руки от лица, я судорожно огляделась в поисках сигареты. Закурив дрожащими пальцами, я выдохнула и, прежде чем открыть дверь машины, произнесла безмолвную молитву.

Меня тут же окутало густым влажным воздухом и раскатистым звуком хриповатого смеха Харли. Я повернулась на сиденье боком, спустила свои пятикилограммовые ботинки со стальными носами на землю и оглядела снизу вверх длинное, стройное тело Харли. Мое сердце стучало, а щеки пылали, но я выпустила неспешную, густую струю дыма и попыталась сделать вид, словно это не я только что позорно заглохла на виду у знаменитого плохого парня.

– Привет, – сказала я, заставляя себя взглянуть ему прямо в глаза и благодаря боженьку за укрытие в виде больших темных очков.

Харли был даже круче, чем в первую встречу. Прошло всего несколько часов, но от самого факта, что он был одет как панк-рокер, у меня зашипало соски. Он был самым крутым чуваком, какого я знала, а ведь он даже не старался. А это лицо? Черт возьми.

– Привет, – хохотнул Харли, протягивая мне обе руки ладонями вверх.

Зажав сигарету в зубах, я положила на них свои руки, позволяя ему вынуть меня из машины. Прежде чем отпустить, Харли провел своими мозолистыми пальцами по тыльным сторонам моих ладоней. От этого ощущения у меня сжалось все нутро.

– Знаешь, есть ведь и лучшие способы угробить мотор, – поддразнил он.

Я закатила глаза за очками и выпустила клуб дыма из угла рта.

– Знаю, – сказала я. – Но я хотела въехать эффектно.

Я снова заставила себя встретиться с Харли глазами, и у меня захватило дыхание. Черт побери. Даже когда он улыбался, со своими голубыми щенячьими глазами и этой пухлой нижней губой с кольцом, он казался надувшим губы.

– В «мустангах» такое тугое сцепление, – произнес он голосом, напоминающим одновременно наждак и сахар. – Может, тебе стоило начать с мотороллера?

Изобразив оскорбленный вид, я стукнула его по груди.

– Черт, девушка! Ты первая начала, – рассмеялся Харли, прикрываясь рукой, словно я собиралась на него напасть.

– Да, но ты-то водишь вот это, – показала я пальцем через плечо. – Даже если кто-то назовет мотороллером твою маму, ты можешь ответить, типа, «Что-что? Простите, я вас не слышу из-за мотора своего „Босс 429“».

Захлопнув свою дверцу, я оперлась на нее, чувствуя, что у меня подгибаются коленки и мне нужна какая-то опора.

Харли ухмыльнулся.

– А я думал, ты не можешь различить 302-й и 429-й, – сказал он с плутовской искоркой в глазах.

– Скажем так – если ты заставил меня притащиться в такую даль из-за несчастного мелкого 302-го, я буду сильно разочарована.

Харли улыбнулся во весь рот, и я заметила, что у него есть щелка между передними зубами. Крохотное расстояние, но его было достаточно, чтобы я расслабилась. У меня тоже такое было. Даже после двух лет в брекетах оно все равно не исчезло до конца. Но оно мне нравилось. Люди говорили, с ним я похожа на Мадонну. Такую Мадонну без сисек, бритую и весом сорок два кило.

– Ну, давай тогда покончим с твоим разочарованием.

Харли взял меня под руку и подвел к водительской дверце своего матового оргазма на колесах. Как будто бы я вот так бы в него и села. Как будто это была «хонда аккорд» или еще какое дерьмо. Отпустив локоть Харли, я продолжала идти, обходя машину два, три, пятнадцать раз. Это как смотреть на Мону Лизу. Или на алмаз Хоупа. Удивительно, что это произведение искусства не было окружено защитой из лазерных лучей.

Я оглянулась на Харли. Он явно наслаждался моим восхищением. Я была уверена, что тут, в пригородах Атланты, никто даже представления не имел, насколько потрясающей была эта машина. На всех аукционах классических машин, которые мы с папой смотрели по телевизору, «Босс 429» всегда уходил больше чем за сто тысяч долларов. Каким образом мог кто-то, не закончивший школу, рассекать на такой?

«Ну, он же механик, – сказал оптимистический голос в моей голове. – Может, он сам собрал ее по кусочкам. Может, он сложил ее из лишних запчастей, и теперь она стоит шесть нулей. Может, он предприниматель с огромным потенциалом».

«А может, он торгует наркотиками», – отозвалась рациональная сторона.

Харли наклонил голову набок, прищурился на солнце и спросил:

– Ну, ты собираешься ее завести? Или так и будешь глядеть, как на кусок мяса?

– Харли Джеймс, ты феминист? – спросила я с ухмылкой, когда он открыл для меня водительскую дверь.

– Конечно, – ответил он.

Я отшвырнула сигарету перед тем, как сесть – о-о-о, зуб даю, это выглядело так круто, – и подавила в себе непреодолимое желание обхватить его руками за талию и вдохнуть его запах, пока подныривала ему под руку. Наверняка он пахнет потом и машинным маслом. А я, готова поспорить, воняю потом. Потому что мои резиново-питоновые штаны в облипку все пропитались им изнутри.

Как только моя обтянутая винилом задница коснулась обтянутого кожей сиденья, я испустила тихий стон. Я сидела в машине моей мечты, и она вся пахла кожей и тестостероном. Если рай существует, то, я уверена, я как раз в нем и сидела.

Харли обошел вокруг и сел на пассажирское место, оставив обе дверцы нараспашку, чтобы мы там не сварились заживо.

Я провела руками по деревянной обшивке руля и в восхищении повернулась к нему.

- Ты все оставил оригинальным, - сказала я, любясь ореховым деревом.

- Кроме приборов, ремней, педалей и коробки скоростей, - хихикнул Харли. - Но да, руль я не трогал. Эта штука слишком клевая, чтоб ее менять. Где ты в последний раз видела деревянный руль?

- Кажется, у бабушки в «бьюике» был, - вырвалось у меня.

Харли вскинул руку, указывая мне на открытую дверь.

- Выходи отсюда! - велел он, нахмурившись на секунду. И тут же снова вернул на место свою хулиганскую улыбку.

Выдохнув, я пихнула его в татуированное плечо.

- Не делай так, зараза!

Харли так широко улыбнулся, что, казалось, его нижнюю губу разорвет пронизывающее ее кольцо.

Сунув руку в карман, он вытащил ключи. И воткнул один из них в зажигание.

- Ну, раз ты не собираешься выходить, давай посмотрим, что тут у нас, - сказал он, поднимая брови и глядя на меня своими прелестными щенячьими глазами. - Заведи ее и скажи мне, что у нее там внутри.

Господи, да разве я умею заводить машину? У меня и своя-то всего чуть больше суток.

«Ну, ладно... левая нога, сцепление... Правая - тормоз. Э-э... первая передача? Первая. Опустить ручник...»

Поглядев на центральную консоль, где находился ручник в моей машине, я не обнаружила ничего, кроме гладкого дерева и пачки «Кэмел лайтс».

Черт.

Я взглянула на Харли, который с восторгом наблюдал за мной, и сказала:

– Прости, чувак. Твоя тачка, похоже, сломана. Кто-то забыл установить тут ручной тормоз.

От вырвавшегося у него смеха бурлящее в моей груди чувство из тревоги стало обожанием. Рассмешить Рыцаря было ужасно трудно. Даже заставить этого злюку улыбнуться было для меня единственным поводом вставать по утрам. Это всегда было испытанием, а иногда – единственным способом удержать его от того, чтобы он никого не убил. Но Харли улыбался просто так. Он смеялся. Дразнил. Играл. Флиртовал. Господи, да он просто был счастливым. Я раньше тоже была счастливой, до того, как все рухнуло и стало дерьмом. А с Харли мне удавалось вспомнить, как это было раньше.

Я начала думать, что мы с Харли одинаковые. Настолько же, насколько мы были разными с Рыцарем. И мне это нравилось.

Харли наклонился вперед так, что его лицо было в сантиметрах от моего. Потом он коснулся ручки под рулем. Постучав по ней пальцами, он сказал:

– Выжми сцепление и тормоз одновременно, а потом нажимай сюда.

Я сделала, как он велел, и мне не оставалось больше ничего, кроме как повернуть ключ. Сделав глубокий вдох, я завела мотор. Двигатель ожил, вся машина задрожала, а у меня внезапно намокли трусики.

– Теперь добавь газу, но не снимай ногу со сцепления, – крикнул Харли через рычание своей секс-машины.

Я осторожно коснулась педали газа покрытым сталью большим пальцем и увидела, как стрелка тахометра, считающая обороты двигателя, взлетела, а кабину наполнил оглушающий рев. Это не 302-й. У меня упала челюсть.

Вытаращив глаза, я уставилась на Харли. А он протянул руку, поднял очки сердечком на мою бритую макушку и улыбнулся.

- Ну? Ты не зря притащилась в такую даль? - спросил он, наклонив голову набок.

Я только помотала головой с разинутым ртом, не в силах сказать ничего остроумного. Я была уничтожена.

- А сейчас, - Харли указал на педали, - добавь совсем чуть-чуть газу и держи его, пока будешь отпускать сцепление.

Я снова помотала головой.

- Ты не хочешь ее поводить? - нахмурился он.

Снова мотание.

- Леди, закройте дверь, возьмите руль в руки и уберите ногу со сцепления.

БОжеБОжеБОжеБОжеБОже...

Ну как, как я могла управлять этим самолетом на колесах, когда я и своими-то конечностями управляла с трудом?

Я осторожно закрыла дверцу, взялась за руль в позиции десять и два - точно так же, как я делала, сдавая экзамен по вождению, - и слегка нажала на газ. Рев усилился, я резко сглотнула, расправила плечи и приподняла ногу со сцепления.

«Умоляю, только не заглохни. Только не заглохни. Только не...»

Машина рванула вперед, как ракета, впечатав мой затылок в подголовник. Я сняла ногу с газа, чтобы замедлиться, но это, очевидно, было ошибкой, потому что машина начала дергаться и подпрыгивать, как чертов конь, именем которого и называлась.

- Больше газу! - заорал Харли.

Я ударила ногой по газу, сильнее, чем собиралась, и «босс» на полной скорости влетел в первый поворот на овальной улице.

- Передачу!

Черт.

Я перешла на вторую, и это вообще-то оказалось нетрудно. Это было знакомо.

- Теперь, поворачивая, слегка убавь газ.

Я послушалась, выдохнув с облегчением, когда машина не подпрыгнула снова.

- Вот так. Теперь, когда ты уже ее чувствуешь, можешь на прямой переходить на третью. А на поворотах втыкай нейтраль, жми тормоз и в ту же секунду снова переходи на передачу.

Хотя в моих залитых адреналином ушах все это звучало примерно как греческий язык, Харли удалось провести меня по всем поворотам.

После десятка кругов я уже рулила сама и наконец сумела разжать мертвую хватку на руле настолько, что начала чувствовать собственные пальцы. После пятнадцати я начала ощущать езду. А после двадцати поняла, что мне, пожалуй, нужна сигарета после секса.

Я остановилась возле сиротской версии чудовища, которое только что почти приручила, и... позорно заглохла.

- О боже! - вскрикнула я, лупя себя по коленкам. - Я дико извиняюсь!

Я думала, Харли оторвет мне голову, но он просто рассмеялся и сказал:

- Знаешь, может, тебе стоит попробовать в следующий раз воспользоваться ключом? Это тоже работает.

Я его люблю. Вот правда. Просто люблю.

Я встретила взглядом с этим парнем с детским лицом и с удивлением поняла, что не хочу отворачиваться. Встречаться взглядом с Рыцарем было все равно что смотреть в глаза зомби. У него были такие бледные глаза. Холодные. Расчетливые и немигающие. Безжалостные и убивающие. А у Харли глаза были яркими. Игривыми. Живыми. Когда он смотрел на меня, мне не казалось, что меня изучают и препарируют. Мне казалось, что я просто обмениваюсь шуткой с приятелем.

Упиваясь зрелищем его спутанных светлых волос, хулиганских голубых глаз, пухлой нижней губы и веселой ауры, я осознала, что Харли Джеймс только что стал моим самым любимым существом на этой планете. Ну и что, что мы знакомы всего шесть часов? Харли Джеймс будет моим Самым Лучшим Другом.

Возможно, даже с преимуществами.

Черная машина с черным салоном, долго простоявшая на ярком солнце, – не то место, где стоит пытаться познакомиться с кем-то поближе. Харли врубил кондиционер на полную мощность, но он просто не мог справиться с жаром, идущим от раскаленного двигателя, с солнцем Джорджии и с моими пылающими гормонами. Харли спросил, не хочу ли я пойти куда-нибудь, где попрохладнее, может, чего-то перекусить, и при упоминании о еде мой желудок заурчал почти так же громко, как его двигатель в 429 кубических дюймов.

Я еще ничего не ела в тот день, а было уже почти семь. Месяц назад я побывала в больнице с анорексией, когда упала в обморок в родильном зале после того, как Джульет родила Ромео. Это напугало меня. Испуга хватило примерно дня на два.

Я знала, что мне нужно есть. Мне просто не хотелось. Никогда. Это кислотное ощущение в пустом животе придавало мне ощущение контроля. Я все контролирую. И это приятно отвлекало от той эмоциональной боли, в которой я тонула, потеряв практически всех, к кому была привязана, за какие-то несколько недель.

Но общество Харли отвлекало еще лучше – настолько, что я была готова слопать десяток булочек с сырной начинкой, зажаренных в беконном жиру, и искупаться в жидких калориях, лишь бы ничего не кончалось.

Харли рассмеялся на мое животное выступление и сказал, чтоб я ехала за ним в Дом Вафель дальше по улице.

Чертов Дом Вафель.

Там было наше первое свидание с Рыцарем. Блин, у меня прямо схема.

Мне было ужасно жаль отдавать Харли ключ от этого прекрасного зверя, но вести свою машину после двадцати минут сражения с «боссом» было в миллион раз проще. Я даже не заглохла, остановившись рядом с Харли возле забегаловки. Он заметил и слегка поаплодировал, пока я выходила из машины.

- Ты попробовала эту штуку с ключом, да? - поддразнил он, закуривая.

- Ага, но мой способ мне больше нравится, - ответила я, ища в сумке свои сигареты. - Гораздо эффективнее.

Харли встал передо мной, своей тенью заслонив от ослепляющего солнца, и протянул мне свою сигарету так, что фильтр оказался в нескольких сантиметрах от моих губ. Эта сигарета только что была у него во рту. Я скользнула взглядом по своей сумке, по выпачканным машинным маслом пальцам Харли, по пламени и узорам на его руке, к его глазам, которые были вызывающе прищурены. Его жест был интимным, как прелюдия. Он проверял, как я отнесусь к идее обмена слюной. Ну что ж, мне понравилось, и я дала ему это понять, обхватив губами фильтр, закусив его и вырвав всю сигарету у него из руки.

С зажатой в зубах сигаретой я ухмыльнулась и сказала:

- Спасибо.

Харли одобрительно улыбнулся.

- Всегда пожалуйста.

В его ответе было обещание, от которого у меня свело промежность.

Он закурил другую сигарету и провел меня в кафешку. В Доме Вафель не рассаживали посетителей, и Харли сам выбрал стол у окна. Я была уверена – он сделал это, чтобы присматривать за «боссом». Если бы я ездила на стотысячедолларовой машине, я бы, наверное, тоже не захотела выпускать ее из виду.

– Так что это было за место? – спросила я, указывая пальцем в ту сторону, откуда мы приехали.

– Трек-то? – Харли подвинул в центр стола пластиковую пепельницу и стряхнул пепел. – Там начали строить жилой квартал, но потом подрядчик остановил стройку, сделав только дороги. Формально все это – частная собственность, но, поскольку ее владелец смылся из города, никто не будет заявлять на нас за нарушение. А копы не могут помешать нам устраивать там гонки.

– Так там гоняют?

– Еще как. Почти каждые выходные. – Харли поглядел на меня, как будто что-то прикидывая, прикусил уголок рта и наклонил голову набок. Потом направил в мою сторону два пальца с зажатой между ними сигаретой и сказал: – Ты тоже будешь там гонять.

Фыркнув, я замотала головой.

– Да ни хрена-а-а-а, – ответила я, складывая руки в универсальный знак «ни хрена». – Я реально только что получила права.

Официантка крикнула из-за стойки, что подойдет к нам через минуту. Харли проигнорировал ее.

– Именно поэтому ты и будешь выигрывать, – сказал он с хитрой улыбкой. – Никто не будет ставить на малышку на заводской пятерке.

Малышка.

Его слова ужалили меня. Я не была малышкой. Ну, то есть была, но не хотела, чтобы он считал меня ею.

– Пригонишь машину ко мне в гараж, – продолжал он, – и зуб даю, что смогу засунуть в эту штуку четыре сотни лошадей. Не то чтоб тебе это надо. В пятерках и без того стоит серьезный движок. – Харли кивнул в окно на наши похожие черные «мустанги». – Ты можешь заработать хренову кучу денег на этой штуке, леди.

– Так давай это будешь ты, – сказала я, гася сигарету.

– Не могу, – ответил Харли, пожимая плечами. – Никто больше не ставит против меня. Если б я не начал иногда сливать гонки, мне бы вообще пришлось искать другой трек.

– Так вот как ты смог купить такую крутую тачку? Гонки? – В ту же секунду, как вопрос вырвался у меня изо рта, я зажмурилась, сожалея о нем. Это вообще было не мое дело.

Харли поджал свои прелестные губы.

– Ну да, – ответил он наконец. – Можно и так сказать.

Официантка подошла и приняла наш заказ, даже не пытаясь скрыть свое раздражение нашим присутствием. Мы с Харли заказали одно и то же – их знаменитые оладьи и кофе. Я вообще ненавидела кофе, но это же так по-взрослому. Верно?

Взрослые = кофе

Малышки ? кофе

Значит, ББ + кофе ? малышка

Напихав в свою кружку с дымящейся черной пакостью как минимум пять пакетиков сливок, весь лед из своего стакана с водой и пятнадцать пакетиков сахара, я подняла голову и заметила, что Харли усмехается, глядя на меня из-за своей кружки.

- Что? – рявкнула я, раздраженная из-за своей непривычки к кофе.

- Ничего, – ответил Харли, делая глоток жидкости, напоминающей чернила каракатицы.

- А ты пьешь эту дрянь черной? – спросила я.

Харли пожал плечами.

- Работая в гараже, к этому привыкаешь. У этих козлов вечно нет ни сливок, ни сахара.

«Господи. Да он еще старше, чем я думала».

По лицу ему можно было дать восемнадцать, но эти выцветшие тату, покрытые маслом руки, широкие плечи, потрепанный вид, дорогущая до жопы машина и супервзрослые кофейные привычки во весь голос кричали о другом.

- Сколько тебе лет? – вырвалось у меня, пока я в сто пятнадцатый раз помешивала свой адский напиток.

- Двадцать один, – ответил Харли, с интересом наблюдая за мной и делая очередной глоток мутной черной жижи.

Я едва не подавилась.

Двадцать один?

Да Харли Джеймс был официально признанным идеалом.

- А если тебе двадцать один, – откашлялась я, – так какого хрена мы пьем кофе?

Рассмеявшись, Харли полез за бумажником.

– Это чертовски отличный вопрос, леди. – Поднявшись, он кинул на стол несколько купюр и протянул мне большую потемневшую руку. – У меня дома есть пиво. Не хочешь зайти?

В ту же секунду, как моя рука скользнула в руку Харли, все мускулы моего тела напряглись в предвкушении. Я была как только что заведенный мотор – дрожащая, выжидающая, нуждающаяся только в зеленом свете от Харли. Он вытянул меня из-за стола. Мой взгляд зацепился за сияющее серебряное колечко в его губе. Я кивнула. И даже неважно, какой был задан вопрос. Если спрашивал Харли, то мой ответ по определению будет «да».

Да, да, да, да, да.

Глава 6

Следуя за машиной своей мечты, в которой сидел мужчина моей мечты, по десятку закрученных, узких трехполосных дорог в какое-то богом забытое место, я начала проникаться реальностью всей ситуации. Я не только ехала домой к мужчине – по-настоящему взрослому мужчине, которого только сегодня встретила, – но я еще и делала это меньше чем через месяц после того, как простилась со своей первой любовью. Это было неправильно. Порочно и неправильно.

«Но Рыцарь уехал, – зазвенел мой извечный оптимизм, разбавляя чувство вины холодной водой. – Он разбил тебе сердце, использовал его как пепельницу и потом уехал ко всем чертям. Он же говорил, что хочет, чтобы ты нашла себе кого-то получше, так? Ну вот, ты и нашла. Что может быть лучше, чем татуированный перец, который тебя веселит, водит „Босс 429“ и достаточно взрослый, чтобы покупать спиртное? Я тебе скажу. Татуированный перец, который тебя веселит, водит „Босс 429“ и достаточно взрослый, чтобы покупать спиртное. И у которого есть свое жилье».

Моя убедительная, позитивная сторона, как всегда, победила, и тут я как раз свернула вслед за «боссом» на посыпанную гравием дорожку, ведущую к прелестному маленькому бунгало в пригороде Атланты. Дорожка привела меня с холма возле дома к отдельно стоящему сараю на заднем краю участка. Харли

загнал машину в потрепанный небольшой гараж, а я запарковалась рядом на участке переросшей травы – как следует сосредоточившись на том, чтобы снять ногу со сцепления после того, как выключу двигатель.

Я посмотрелась в зеркальце, взлохматила свои хвостики, сделала глубокий вдох и вышла на свет предзакатного солнца.

Я услышала громкий звук, с которым Харли задвинул металлическую дверь гаража и запер ее на висячий замок. Потом он взглянул на меня и улыбнулся. Солнечный свет стал оранжевым, и в его низких лучах были видны все пляшущие в воздухе между нами пылинки, частички пыльцы и зонтики одуванчиков.

– Ну вот, – сказал Харли, обводя рукой с зажатой в ней нераскуренной сигаретой неухоженный двор.

– Мне нравится, – ответила я. Это напоминало мой собственный дом. Маленький. Далекый. Заросший. Одичалый.

Харли закурил и снова предложил сигарету мне. На сей раз я взяла ее рукой, а не зубами, внезапно испытывая смущение перед возможным перетрахом. Я была у него дома. В смысле я хотела оказаться у него дома, но теперь я действительно была у него дома. Где была его кровать. Где он занимался сексом с маленькими дурочками, которые приезжали к нему, делая вид, что просто хотят пива.

Мы вместе прошли по выросшей до колен траве, по деревянным ступенькам, через облезлую террасу, в заднюю дверь и вошли в то, что с тех пор всегда будет носить титул Самой Гадкой Холостяцкой Дыры, Которую Я Видела В Своей Чертовой Жизни.

Мы зашли через кухню, которая была отделана горчичного цвета шкафами 50-х годов, с драным линолеумом на полу, с грязными тарелками, пустыми пивными банками, голыми лампочками, обшарпанными алюминиевыми стульями и дырами в обоях размером с человеческую голову. Я замерла, раскрыв рот, а Харли устремился прямо к холодильнику.

Вытащив две банки самого дешевого пива, Харли вручил одну мне со словами:

– Прости, что тут такой срач. Мой братец устроил тут пьянку со своими друганами пару дней назад, и дерьмо как-то разрослось.

Я рассмеялась, оглядывая разор и запустение.

– Значит, дерьмо разрослось, да?

– В гостиной вроде попрличнее – ну, типа. – Харли провел меня к двери в практически необставленную гостиную.

В центре стояли сильно потрепанный кожаный диван, кресла и кофейный столик – определенно найденные у старьевщика, – а перед ними был телевизор с большим экраном и множеством каких-то проводов, колонок, dvd, микрофонов, наушников и усилителей, которые торчали кругом, производя впечатление какого-то электрического осьминога. Единственным украшением комнаты было собрание неоновых пивных вывесок, висевших на левой стене. Их шнуры были воткнуты в длинную полосу удлинителя, лежащего на полу.

Когда я подошла к этой стене, Харли щелкнул выключателем с другой стороны комнаты, и меня чуть не ослепило.

– Боже! – вскрикнула я, прикрывая глаза рукой от разноцветной световой атаки. – Где ты все это взял?

– Спер в винном магазине, где как-то работал, – нимало не стесняясь, объяснил Харли. – Производители все время присылали их нам, но иногда они ломались по пути и их приходилось выкидывать, понимаешь?

– О, еще как понимаю, – сказала я, поворачиваясь к нему. – Та же фигня все время происходит у нас в «Пьер Импорт». Прикольно, как потом эти испорченные штуки оказываются позади мусорного бака, а не внутри него.

– Ты работаешь в «Пьер Импорт»? – спросил Харли, плюхаясь на середину дивана и заглатывая примерно половину банки пива за раз.

– Ага, – сказала я, отхлебывая свое и обходя диван. – Ну, пока они меня не уволят. Я наверняка самый худший их работник. Я только прихожу и

переставляю все их витрины. И даже не обслуживаю покупателей, потому что менеджер считает, что моя бритая башка «отпугивает клиентов».

Закатив глаза, я сделала знак «кавычек» при слове «отпугивает». Не настолько уж я была пугающей.

– А мне нравятся твои волосы, – сказал с улыбкой Харли. – Это дико круто.

Круто?

Не может быть.

Что?

Харли Джеймс только что назвал меня крутой?

Я села рядом с ним на диван и пару секунд просто пялилась в его милое щенячье лицо. Что это за парень, черт возьми? И где он был всю мою жизнь? Он был таким... милым. И крутым. И забавным. И смешным. Харли со всеми его татуировками, мускулами и кольцом в губе, которое мне так хотелось укусить, мог казаться плохим, плохим, плохим, но на самом-то деле он был хорошим. Я видела.

А когда через заднюю дверь ввалился его брат, тащивший большую картонную коробку и пакет из магазина, я поняла, что Харли был слишком хорош, чтобы существовать взаправду.

– Засранец, ты должен мне тридцать баксов, – завопил младший Джеймс в сторону гостиной, швыряя все покупки на шаткий кухонный стол.

– Это мой младший братишка, Дэвидсон, – хихикнул Харли.

– Дэвидсон? – переспросила я, стараясь подавить смешок. – Ваша мама правда назвала вас Харли и Дэвидсон?

Грубая версия Харли схватила из холодильника банку пива и оперлась о косяк дверного проема между кухней и гостиной.

- Вообще-то мы ровесники, и ты знаешь, скотина, что меня называют Дейв.

- Так вы близнецы? - спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

Если и да, то они не были двойняшками. Оба были красивы. У обоих были хулиганские голубые глаза, но у Дейва были темные короткие волосы, засунутые под бейсболку, и он был ниже ростом.

- Ирландские близнецы, - поправил Дейв. - Я на десять месяцев младше.

- Ты долго таскался, - сказал Харли, вставая. - Мы умираем с голоду. - Протянув мне руку, Харли добавил: - Я позвонил Дэвидсону, когда мы выходили из Дома Вафель, и велел купить кое-чего по пути с работы. - Повернув голову в сторону кухни, он возвысил голос: - А теперь он из-за этого выступает.

Дейв поднял средний палец и хлебнул пива.

Когда мы зашли в кухню, я увидела, о чем говорил Харли. Там, на столе, лежала коробка пиццы и покупной шоколадный торт со словами «С днем рождения!», написанными красной помадкой. У меня захватило дух, и я, не веря своим глазам, уставилась на Харли.

В глазах у меня щипало. Почему мне щиплет глаза? Боже мой. Я что, собираюсь реветь? Неудивительно. Я уже привыкла, что за эти жуткие несколько месяцев, которые у меня были, я то и дело плакала, но никогда от счастья. А тут эта страшная милота застала меня врасплох.

Пожав плечами, Харли сказал:

- Ну, ты сказала, что только что получила права. И я решил, что у тебя недавно был день рождения.

К черту крутость. Я кинулась к нему. Харли, поймав меня, слегка пошатнулся, потому что я обхватила его руками за шею, а ногами за талию, вереща: «Спасибоспасибоспасибо!», а потом целомудренно чмокнула в щеку.

Ну, или попыталась чмокнуть в щеку. Прежде чем я коснулась губами его щеки, Харли крепче прижал меня к себе и перехватил мой невинный поцелуй своим хитрым улыбочивым ртом. Земля закачалась. Мой пульс зачастил, я затаила дыхание и позволила Харли поцеловать меня. Опытные губы коснулись моих. Его ловкий язык скользнул по моему. Его кольцо в губе защекотало меня, и, когда мои смятенные мозги наконец встали на место, я поймала эту чертову штуку зубами и слегка потянула – именно так, как мне до смерти весь день хотелось.

– А ты был прав, братан, – раздался откуда-то позади меня голос Дейва, заглушенный пиццей. – Девкам нравятся эти торты.

Харли прервал поцелуй ровно на столько, чтобы схватить со стола пустую пивную банку и швырнуть ее в своего брата.

Дейв поймал снаряд и заржал.

– Вы жрать-то собираетесь или так и будете трахаться прямо в кухне? Потому что если так, то я лучше схожу за попкорном.

Господи.

Я зарылась лицом в шею Харли и вцепилась в него, пока он швырял в своего братца еще пяток пустых банок. Из своего потайного места я бессовестно вдыхала его запах. Харли пах не потом и машинным маслом, как я думала, а бензином и кожаными сиденьями. От этого сочетания мои бедра непроизвольно сжались вокруг его узкого торса.

Стиснув мою задницу в последний раз, Харли сделал шаг и посадил меня на один из шатких алюминиевых стульев перед кухонным столом. Коробка с пиццей была открыта, и двух кусков благодаря Дейву уже не доставало. Харли вытащил из холодильника еще пару банок пива, дал одну мне и сел слева. И мы ели, пили, курили, болтали и смеялись, смеялись, смеялись несколько часов.

Парни сказали, что снимают этот домишко у своего дяди и живут здесь всего пару месяцев. У них есть три младших сводных сестры, которые живут в доме с мамой и отчимом. Я узнала, что Дейв работает в магазине армейского снаряжения и делает это с момента, как закончил Старшую Персиковую. Еще я узнала, что Харли живет сам по себе с семнадцати лет.

– Этого засранца вышвырнули из школы и из родного дома в один и тот же день! – Хлопнув себя по коленке, Дейв зашелся смехом и передал Харли только что скрученный косяк.

Затянувшись, Харли пожал плечами.

– Да ей было наплевать, что меня исключили. Мама просто хотела избавиться от меня, потому что у нее было слишком много чертовых детей.

– О, я про это слышала, – сказала я, мотая головой на косяк, который протянул мне Харли. Трава была единственным наркотиком, от которого я отказывалась. От этой дряни мне дико хотелось спать. Не знаю, почему мои родители курили ее в таком количестве. – Это правда, что тебя вышвырнули из школы за то, что ты дал в морду завучу?

Харли и Дэвидсон переглянулись и одновременно разразились хохотом.

Отхлебнув еще глоток пива, я смотрела на них с пьяноватой улыбкой на лице. Они были такие чертовски милые. У Дейва было это мальчишеское хитроватое южное обаяние, а Харли был весь такой татуированный гонщик с машинным маслом в крови, но когда они прикалывались, то становились единым целым. А поскольку мы с Харли были практически одним человеком, то все трое мы были как горошины в чертовом стручке.

Наклонившись вперед, Дейв стиснул мое плечо.

– Ты поверила... Ты поверила... – всхлипывал он между приступами смеха. – Харли не давал завучу Дженнеру по морде. Это завуч Дженнер врезал по морде Харли. – Дейв указал на брата и зашелся в очередном приступе смеха. – Дал ему прямо в чертову челюсть!

Оба они чуть не рыдали от смеха, но я так и не могла понять шутку.

В ужасе поглядев на Харли, я спросила:

– Он тебя ударил? Но ты же мог засудить его к чертям! Ты мог добиться, чтоб его уволили!

– Не-а, – сказал Харли, маша рукой. – После своих слов о том, что сделал с его мамой прошлой ночью, я понимал, чего ждать.

– А как его исключили, я всем рассказал, что это Харли дал в морду завучу Дженнеру. И теперь он чертова знаменитость! – сказал Дейв, пихая Харли в плечо. – И у него из-за этого было столько девок, просто с ума сойти!

Я услышала фразу про девок, но не стала спрашивать. Я не хочу этого знать.

Взглянув на меня своими щенячьими глазами, Харли пожал плечами. Он не стал оправдываться. С таким милым лицом и крепким телом он в этом и не нуждался.

Переведя взгляд на часы над микроволновкой, я вдруг поняла, что цифры на них не менялись все три раза, что я туда смотрела. Там все время было 9:05. И они мигали.

Бли-и-и-и-и-ин.

Меня охватило дурное предчувствие, и я полезла в сумку в поисках телефона. За секунду отыскав его, я нажала на подсветку экрана. Там было 10:28.

– Черт! Мне надо бежать! – швырнув телефон обратно в сумку, я начала искать ключи от машины. Взглянув на Харли с Дейвом, которые явно не понимали внезапного обострения ситуации, я пояснила: – Мне надо быть дома через тридцать минут, иначе папа убьет меня на фиг!

Я встала, но Харли тут же обхватил меня своими ручищами за талию и притянул к себе на колени.

– Не уходи, – прошептал он мне в ухо, касаясь чувствительной кожи прямо под ним.

Мое тело растекалось под его руками. Господи, как же хорошо было в мужских объятиях. Мне не хватало этого сильнее, чем я думала. Мне так дико хотелось остаться и проверить все обещания, содержащиеся в этих двух словах, но я сказала:

– Харли, я должна идти. У меня отбой. – И оттолкнулась от его груди, чтобы поднять свою тощую задницу.

Харли снова обхватил меня своими мощными разукрашенными руками и прижал теснее.

– Нет. Прости. Тебе придется сказать ему, что теперь твой папочка – я.

– Харли, ну правда! – сказала я, хлопая его по груди. – Мне надо идти!

Дейв рассмеялся.

– Если уж она и будет называть тут кого-то папочкой, то это буду я. В смысле это же я принес ей именинный пирог.

– Фух! – Я вырвалась из объятий Харли и кинулась к задней двери, как Золушка под полуночный бой часов.

Слетая по расшатанным ступеням в непроглядно-черную ночь, я подумала, что у Харли с Дейвом, наверное, никогда не было отбоя. Никто не дожидался их дома, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Судя по их рассказам, единственное, чего ждала их мама, так это хорошего предлога вышвырнуть их из дому. Эта мысль огорчила меня, и я поняла, почему они так спокойно отнеслись к моему опозданию.

Пока я в темноте сражалась с замком, я услышала, как позади меня хлопнула дверь и раздались тяжелые шаги через две ступеньки.

«Черт, у меня нет на это времени».

Обернувшись, я увидела бегущий по двору в мою сторону силуэт Харли, подсвеченный светом из дома. Он даже бежал сексуально. Длинными прыжками. Придерживая одной рукой свои свисающие штаны. Цепочка блестела в лунном свете.

– Прости, что я так убежала. Но мне правда надо...

Одним прыжком сократив расстояние между нами, Харли поймал остаток моих извинений ртом. Он яростно целовал меня. Его руки были везде. У меня сбилось дыхание. Мне снова захотелось обхватить ногами его тело, чтобы он взял меня прямо тут. Я хотела, чтобы между нами не было ничего, кроме влажного летнего воздуха и пленки пота на теле. Я хотела его. Этого человека, который за единственный день снова вдохнул жизнь в мою опустевшую душу. Но, если я не вернусь домой вовремя, я еще очень, очень долго его не увижу.

– Харли, – выдохнула я в его рот. – Харли. Мне надо идти. Пожалуйста.

Харли с чпоканием выпустил изо рта мою губу и нахмурил брови.

– Можно я тебе позвоню? – задыхаясь, спросил он. – У меня в гараже есть твой номер.

Я кивнула, нащупывая за спиной ручку дверцы.

– Спасибо тебе за сегодня. Это был лучший мой день за очень долгое время.

Это, может, вообще был лучший день моей жизни, но я не собиралась ему об этом говорить. По крайней мере пока.

– И мой, – сказал Харли, чмокая меня в последний раз. – Поезжай осторожно, леди.

Выезжая, я кинула взгляд на часы на приборной доске. 10:42. Черт меня побери.

У меня было восемнадцать минут, чтобы понять, где я вообще нахожусь и как мне попасть домой, куда, по моим оценкам, было как минимум полчаса езды. Я умудрилась восстановить дорогу до Дома Вафель и оттуда дунула по единственному знакомому мне шоссе, которое вело из Атланты прямо в наш городок.

Я мчалась домой, пьяная от пива и в экстазе от Харли, всю дорогу превышая скорость километров на тридцать-сорок. Я даже не включила радио. Я снова и снова с широкой идиотской улыбкой на лице прокручивала в голове последние десять минут своей жизни. Оказавшись в городе, я стала выбирать окольные

дороги, на поворотах спускаясь на одну передачу, как научил меня Харли сегодня днем.

Я подлетела к нашему дому за минуту до отбоя, встала на свое парковочное место и практически упала за порог в момент, когда часы пробили одиннадцать. Глотая воздух, я сунула голову в гостиную, где мой папа, страдающий паранойей, бессонницей и верой в теории заговора, проводил ночь, куря сигареты, чистя свое оружие и глядя CNN.

- Привет, пап! Спокойно, пап! - прочиркала я и, взбежав по лестнице, заперлась в ванной.

Прежняя я провела бы там полчаса, выbleывая сожранные пиццу, именинный торт и пиво. Она не смогла бы заснуть, пока весь этот вред не был бы уничтожен. Но новая я имела свои причины, чтобы закрыться в ванной. Причины, включающие мысли о руках Харли в машинном масле на своей бледной, веснушчатой коже и массажный наконечник головки для душа.

Глава 7

Мне надо было отвлечься. Я сходила с ума, каждые пять секунд проверяя телефон в ожидании звонка от Харли.

Я обгрызла все ногти, нанесла и перенанесла макияж, протоптала тропу в коврикe возле кровати, расхаживая туда-сюда, и выкурила как минимум пачку сигарет - и это я только час как проснулась. Я даже позвонила на работу, узнать, не могу ли я взять несколько дополнительных смен. Я знала, что мне откажут, но попытаться-то стоило.

Я была страшно взвинчена. После учебы в школе, работы по вечерам и каждой свободной минуты с Рыцарем я теперь только работала двадцать часов в неделю, а остальные сто сорок восемь проводила, пялясь в телевизор и думая, смогу ли я когда-то снова испытывать какие-то чувства.

Ну что ж, я снова могла. Испытывать чувство, что мне хочется выпрыгнуть из собственной шкуры.

Прошлым вечером мне было весело, как никогда. Поймите меня правильно: за мои шестнадцать лет у меня была масса веселья, но это всегда было какое-то не то веселье. Такое, которое кончалось причинением кому-то вреда. Или дракой. Или поножовщиной. Или беременностью. Или повреждением машины наркодилера. Или смертью. Или арестом. Или попаданием в больницу. Или тяжелым отходняком. Или блевом от перепоя на всю ночь. Или побегом от гангстеров. Или пятикилометровой прогулкой без куртки в два часа ночи к дому Джульет. Вот так обычно кончались мои «веселые» вечера. Ну и, полагаю, мой вечер с Харли мог бы кончиться примерно так же, если бы меня поймали за превышение скорости на сорок километров с пивом в желудке. Но меня не поймали.

Потому что Харли – ангел.

Этому было только одно объяснение. Харли был златовласым ангелом, посланным мне вселенной в качестве извинений за то, во что превратилась моя жизнь после того, как в нее пинками ворвался Рыцарь.

Боги, наверно, такие: «Блин, там все пошло наперекосяк. Недоглядели. Ну, ладно, вот тебе за это татуированная секс-машина с детской мордочкой. О, и мы еще обернем его в винтажный „мустанг“. За счет заведения».

Но, если это правда мой подарок из космоса, какого хрена он не звонит?

– Алло? – торопясь ответить, я чуть не выронила сверкающую «нокиа», которую все утро не выпускала из рук.

– Эй, леди. – От раскатистого звука голоса Харли и той ленивой улыбочки, которую я буквально могла видеть на его лице, я зажмурилась и плотно сжала губы в попытке подавить девчачий визг, готовый вырваться из моей груди.

– Ты позвонил, – не веря, выдавила я.

Харли хихикнул.

- Ну конечно, позвонил, на хрен. Да я не мог перестать думать о тебе.

Хлоп, хлоп.

- Биби?

- А? - Я откашлялась. - Извините. Вам придется оставить сообщение. Биби только что умерла.

Смех Харли пляской влетел в мою голову, в сердце и во всю мою чертову душу.

- Она еще не ожила? - спросил он.

- Дайте проверить... нет. Вы ее буквально убили.

- А теперь?

Я улыбалась так широко, что было больно в груди.

- Хм...

- А я-то надеялся, что она сможет сегодня зайти ко мне на работу.

- Во сколько? - вырвалось у меня.

Черт. Я снова теряю крутизну.

- Около четырех? Я заканчиваю в пять, но сегодня там не больно много работы.

- Ладно, - сказала я. - Ну, в смысле я погляжу, сумею ли я реанимировать Биби к тому времени. Кстати, она может захотеть выжрать тебе мозги, так что будь готов.

«Дай бог», - думала я, делая сама себе рожу.

Хихикнув, Харли сказал:

– Передайте Биби, что она может съесть любую часть моего тела на выбор.

От этих намеков в его голосе я залилась краской.

– Увидимся в четыре, крошка зомби, – сказал он на прощание.

Закончив биться на полу в корчах, я решила поехать к Джульет. Я могла бы помочь ей с младенцем и убить несколько часов, прежде чем снова смогу увидеть мужчину своей мечты. Может, пока я буду там, Джулс сможет немного поспать. Ее злобной жопе не помешало бы.

Я натянула драные джинсы, сунула ноги в ботинки и протянула руку за майкой, висящей в шкафу. И тут же отдернула ее, потому что у меня перед глазами замелькали непрошенные воспоминания. Вот мы с Рыцарем держимся за руки. Вот я в его куртке. Вот мы идем из его тату-салона в Литтл Файв Пойнтс, где провели ночь, в «Ботинки&Подтяжки», магазин, где он покупал все свои импортные скинхедские тряпки. Вот вешалка с панковскими майками, про которую хозяин сказал, что держит их «ради рекламы». Вот майка в моих руках, а мои губы у Рыцаря на щеке, когда он подвозит меня на работу.

Захлопнув шкаф, я, тяжело дыша, уставилась на деревянную дверцу. «Нет, – сказала я себе вслух. – Не сегодня».

Я постояла, пока мое сердце не вернулось к нормальному ритму, а слезы не отступили. Тогда я подобрала с пола свой любимый топ, который носила вчера, натянула его и вышла из комнаты, к черту.

Поехать к Джульет было отличной идеей. Трудно психовать и бегать по стенам, когда держишь на руках спящего новорожденного. Я даже рискнула сама дать Ромео бутылочку – с помощью младшего брата Джульет, – чтобы измученная мать смогла поспать подольше.

Однако это решение было ошибочным.

Джульет проснулась через час, отдохнувшая, но буквально заливающаяся молоком. Оттого, что она пропустила кормление, из нее лилось, как из крана. А малыш, находящийся в своей молочной коме от бутылки, которую дала ему я, не мог ей помочь. И вот пришло время – время выяснить, как же работает чертов молокоотсос.

Я читала вслух инструкцию и старалась не ржать, глядя, как Джульет втискивает свои огромные сиськи в чашечки отсоса. Когда она наконец справилась, я нажала на кнопку... и от громкого, чавкающего, как в мультике, звука мы с ней чуть не попадали на пол. Это все было просто дико смешно. Так смешно, что я чуть не опоздала в гараж.

Я увидела его, только подъехав ко входу в A&J Auto. Харли стоял у входа и курил, и, черт возьми, как он был хорош. Жутко хорош. Вымазанная маслом майка-алкоголичка и темно-серые штаны, вот как хорош. От его вида у меня сжались все внутренности. Я не могла поверить, что целовалась с этим сверхчеловеком. Дважды.

Увидев меня, Харли улыбнулся и показал пальцем на один из боксов. Последовав указанию, я въехала в гараж, изо всех сил стараясь не заглохнуть.

Едва я выключила мотор, Харли подошел и открыл мне дверь. Он был потным и грязным, и мне было на это плевать.

– Эй, леди, – сказал он, наклоняясь к машине и легко целуя меня в губы.

В ту же секунду, как прохладный металл колечка в его губе коснулся моей кожи, мои глаза закрылись и я вся натянулась как струна. Мне хотелось втянуть его язык к себе в рот и запустить руки в его лохматую светлую копну, но Харли был на работе, а мне было ссыкотно.

Слегка отстранившись, Харли с улыбкой открыл мой капот, дернув за ручку под рулем, о существовании которой я даже не подозревала. Подойдя к машине спереди, Харли поднял крышку капота и заглянул внутрь.

– Ага, – сказал он, когда я подошла посмотреть, чего он там шурует. – Я нашел у себя поглотитель холодного воздуха, который, похоже, подойдет.

– А попроще? – спросила я, улыбаясь от поцелуя.

Харли схватил что-то со стеллажа с инструментами позади него и повернулся ко мне спиной.

– Вот эта штука. В двигателе. Добавит лошадей.

– А, ясно, – сказала я. – Так вот почему ты пригласил меня? Чтобы засунуть мне эту херню под капот?

– Мне так нравится, когда ты грязно ругаешься, – с улыбкой сказал Харли, обхватывая мою талию и притягивая меня к себе.

– Сам ты грязный. – Я оттолкнула его и наморщила нос в притворном отвращении. – Где твоя рубашка?

«Потому что я хочу ее украсть, взять домой и сделать из нее подушку».

Харли пожал плечами.

– Тут жарко, как между яйцами. Тебе повезло, что я штаны не снял.

Я была не согласна, но оставила это при себе.

Ближайшие сорок пять минут мы с Харли болтали, пока он чем-то позвякивал, а я время от времени сглатывала слюнки. Закончив, Харли попытался отскоблить с рук всю грязь такой специальной густо-оранжевой жижей, но я уверена, что никакое мыло все равно было не способно привести их в чистое состояние.

Отмывшись, Харли заявил, что хочет испытать эту новую бла-бла-поглотительную штуку, которую только что поставил, на треке, и я кивнула. Потому что, когда Харли что-то спрашивал, я всегда так делала. Говорила «да».

Харли закончил работу, и я поехала за ним на трек. Десять минут смотреть, как он едет на своем матово-черном чудовище было мучительной прелюдией. Я умирала от желания загрести в свои руки все, что видела перед собой, но оно было недоступно. Харли мог бы оставить свою машину в гараже и поехать на

моей проверять этот выхлопной клапан, или что он там установил, но у меня было ощущение, что он не выпускал надолго свою машину из виду. Не то чтоб я его осуждала. Господи, да даже я, наверное, задумалась бы о попытке небольшого ограбления и угона, увидев эту штуку стоящей в одиночестве на пустой парковке.

На треке Харли пересел в мою машину, чтобы испытать ее самому. Он до упора отодвинул сиденье назад, чтобы уместить свои длинные ноги, и выразительно ухмыльнулся, заводя мотор. Слегка газанув, Харли присвистнул.

– Черт, леди. Да ты сидишь на золотой mine. Малышка на заводской пятерке. – Он потряс головой. – Такая, блин, легкотня.

Я хотела возразить, что не занимаюсь никакими гонками, но слово малышка вонзилось мне в грудь, как кинжал. Мне и дышать-то стало трудно, не то что формулировать достойные контраргументы.

Мои способности были принижены еще сильнее, как только Харли одновременно выжал сцепление и тронул с места. Мою голову впечатало в подголовник, а Харли уже перевел ручку коробки передач на вторую, каким-то образом ускорившись на первом же повороте, а потом на прямой встал на третью. Я вцепилась в центральную консоль и подлокотник так, что у меня побелели костяшки пальцев, а Харли срезал очередной угол быстрее, чем я успела моргнуть.

– Да, черт! – заорал Харли, выходя из поворота и крутя руль краем ладони. – Эти всепогодники, что я вчера поставил, цепкие до жопы. Тупые придурки приезжают на своих скользилках, думая, что самые крутые, и их всех заносит на поворотах. Не могу дождаться, когда ты поджаришь им жопы на своих всепогодниках. – Он перешел на четвертую и захихикал.

– Харли, я ж тебе...

– Тебе надо просто слегка попрактиковаться, – сказал он, успокаивающе сжимая мое бедро. Как будто тут не было ничего такого. Как будто у него была вся уверенность мира, что я смогу.

Мне нравилось, что Харли видит во мне такой жопонадирающий потенциал. Думает, будто я могу побить взрослых мужиков на их же поле. Что я достойна прозвища Леди. Он, конечно, ошибался – и очень сильно, – но мне хотелось сохранить это заблуждение как можно дольше.

– Ну ладно, – пропыхтела я. – Я попробую, но и только. И если я обмотаю эту штуку вокруг дерева, ты покупаешь мне новую.

– Заметано, – сказал Харли, подвигаясь, чтобы мы могли поменяться местами.

Я снова уселась на водительское место, и мне пришлось подвинуть кресло вперед сантиметров на тридцать, чтобы я могла хотя бы дотянуться до педалей.

Потянувшись через центральную консоль, Харли обхватил левой рукой мое правое бедро.

– Поймал, – выдохнул он мне в ухо.

Его теплый выдох мгновенно растаял в холодной струе из кондиционера. Слегка надавив на мою ногу, Харли заставил ее нажать на газ. Рев двигателя и стрелка тахометра рванули вверх.

Скользя рукой по моей ноге, Харли заговорил, перекрикивая рев мотора. Его голос разносился по моей коже, оставляя по пути след из мурашек.

– Отлично. Просто прекрасно. Так, отпусти сцепление. Медленно. Как только ты его почувствовала... Дави на газ.

Харли сильнее сжал мою ногу и потянул ее вверх, поднимая со сцепления. Как раз когда я начала чувствовать двигатель, Харли горячо выдохнул мне в ухо:

– Давай!

Я вдавила правую ногу, как он велел, и меня вжало в кресло, потому что машина рванула вперед, словно пуля. Первый поворот стремительно приближался, но Харли был тут, у меня в ухе.

Он положил правую руку поверх моей на ручку передачи и надавил на мое левое бедро левой рукой. – Дави сцепление и ставь нейтраль.

Я, как марионетка, последовала его указаниям.

– Теперь вторую, и подбавь газку, чтоб зацепилось.

Его рука скользнула по моему бедру, и два пальца погладили мою голую кожу сквозь дырку в джинсах. Близость его руки к тому месту, которое было на хрен мокрым насквозь с того момента, как я увидела Харли, так отвлекла меня, что я вдавила педаль газа вместо того, чтобы добавить совсем немного, и в ужасе увидела, как стрелка тахометра упала, будто свинцовый шар. Машина замедлилась и остановилась сама по себе, и я с открытым от ужаса ртом уставилась на Харли.

– Что я сделала?

Хихикнув, Харли протянул руку и открыл замок капота. Чмокнув меня в щеку, он сказал:

– Наверно, этому инжектору холодного воздуха нужна новая заглушка. В твоей старушке больше движухи, чем она может переварить.

Мы с Харли вышли из машины и уставились на двигатель. Как по мне, так все это просто мотор и мотор, но Харли немедленно увидел проблему. Он сказал, что я порвала ремень, что бы это ни значило, и тут же позвонил своему приятелю-сменщику, чтобы тот захватил один по пути из гаража.

Мы ждали его, стоя в тени возле «босса», курили и выдумывали предлоги, чтобы прикоснуться друг к другу. Меня даже не волновало, что моя новехонья тачка сломалась. Я знала, что Харли ее починит. Я могла думать только о том, что он просунул свой палец в шлевку моих штанов.

Опершись на задний бампер, Харли широко расставил ноги и привлек меня к себе. Он улыбнулся, опустив взгляд на мои губы, и мое сердце забилось со скоростью километр в секунду. А потом замерло, потому что я услышала доносящийся из-за деревьев рев мотора. Я не могла вздохнуть. Не могла

моргнуть. Не могла шевельнуться, потому что вспомнила огромный жуткий грузовик Рыцаря.

«Нет. Это невозможно», – думала я, насторожив уши и прислушиваясь, как встревоженный кролик.

Почувствовав мое беспокойство, Харли обнял меня за талию своими большими, спокойными руками и сказал:

– Похоже, Бубба призвал на помощь кавалерию.

Я обернулась, посмотрела в проем между деревьями, сквозь который виднелась дорога, по ней подъезжала целая вереница вездеходов, тягачей и гоночных грузовиков. Я облегченно выдохнула, а потом захихикала, увидев в конце этой спасательной бригады замыкающий трактор.

– И все это ради порванного ремня?

Харли тоже рассмеялся, глядя на этот подъезжающий парад.

– Парни ради этого живут.

Первый грузовик и тот, что шел за ним, – пара «шевви», обляпанных сухой глиной, – остановились рядом с нами, а несколько других проползли мимо, выехали на трек и исчезли в лесу, съехав на еле видную тропинку между деревьев.

Невысокий сбитый парень в рыбацкой шляпе вылез из первого «шевви» и подошел к нам, держа в руках полосу резины и гаечный ключ.

– Держи свой ремень. Это для вон той? – спросил он, указывая на трек, где стояла моя машина с открытым капотом.

– Ага, – ответил Харли, не выпуская меня из рук. Мне это понравилось. – А что за суета? Вам так хотелось позырить, как я буду менять ремень?

– Не, мы хотели погонять в грязи. А трактор приволокли на случай, если кто-то из придурков застрянет, как в прошлый раз. – Ухмыльнувшись, он добавил: – Тогда мне пришлось тащить его лебедкой. Ну и надрали же мы ему яйца.

– Да уж слышал, сукин ты сын, – сказал подошедший к нам тощий парень в джинсах и ковбойских сапогах. – Эй, я тебя знаю, – указал он в мою сторону банкой колы, которую использовал как плевательницу. – Ты же Панк, подружка Рыцаря, верно?

Харли присвистнул, и его пальцы впились в мою талию.

– Я слышал, он уехал в армию. Как он там?

– Я... Я не знаю, – заикаясь, ответила я, волнуясь, потому что Харли задышал у меня над ухом, как дикий бык. – Мы расстались до его отъезда.

– А, ясно, – сказал парень. – Жаль. Я с ним тягал железо. Сукин сын поднимал за раз полторы сотни кил. Я не видел большего психа. – Он взглянул на Харли у меня за плечом и вытаращил глаза. – Ну, в смысле... Рад был увидеться, Панк.

– Биби, – произнес Харли низким, угрожающим голосом. – Ее зовут Биби.

– А, ладно, – согласился тот, сплюнул коричневую от табака слюну в свою банку и пошел обратно к грузовику. – Бубба, я поехал. Рад был увидеться, Харли, – сказал он, поднося руку к бейсболке, прежде чем развернуться и быстренько отвалить к своей машине.

– Я сейчас приду и вытащу тебя, – смеясь, крикнул ему вслед Бубба. – Вот дебил.

Харли взял ремень и ключ и быстро направился к моей машине.

Я поспешила за ним, стараясь не отставать. Его поведение полностью изменилось. Плечи были напряжены. Руки сжаты в кулаки. Что-то из того, что сказал этот придурок, разозлило его, и я не хотела сделать еще хуже.

Ничего не говоря, я смотрела через плечо Харли, он повернул что-то ключом, вытащил старый ремень, всунул новый на несколько крошечных шестеренок, снова затянул и прикрепил его ключом – быстрее, чем за пять минут. Надо признать, смотреть на его работу было очень сексуально, а мысль, что, может быть, он меня ревнует, еще добавляла мне жару.

Ну, а то, что на улице было больше тридцати градусов, охлаждению не способствовало.

Закончив, Харли вытер руки о свои серые рабочие штаны и обернулся ко мне.

– Готово. Хочешь проехать еще кружок?

– Почему ты так разозлился? – вырвалось у меня.

Челюсти Харли сжались, а сияющие голубые глаза застыли.

– Харли?

Он обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

– Мы можем поговорить в машине? Тут жарко до чертиков.

Я села на водительское место и включила кондиционер. Закрыв глаза, Харли подставил лицо под холодный воздух.

– Ну же?

Глубоко вздохнув, Харли повернулся ко мне. С его лица исчезли все следы шутливости.

– Что он с тобой делал?

Я рассмеялась. Просто не могла удержаться. Как на это ответить? Рыцарь делал со мной все. Все, что только один человек может сделать с другим. Хорошее, плохое, ненормальное – он делал все... Со мной.

- Он делал тебе больно? - спросил Харли.

- Да, - это вырвалось у меня изо рта резче, чем я собиралась. Я думала сказать это в таком ключе, типа «Ну», или «А сам ты как думаешь?».

Харли сжал челюсти и хрустнул костяшками пальцев.

- Он... резал тебя? - спросил он тихим, но страшным голосом.

У меня перед глазами промелькнул образ ножа-бабочки Рыцаря. Как он учил меня раскрывать и закрывать его одним движением. Как он надрезал им мою ногу, когда я кончала под его губами. Как он высасывал кровь из раны, а я сжимала в себе его пальцы.

- Да, - сказала я, глядя перед собой и ничего не видя. - Да.

Вырвавшись из прошлого в настоящее, я повернулась к Харли.

- А ты откуда об этом знаешь? - спросила я. Воздух из кондиционера не мог охладить моих пылающих щек.

- Я как-то жил в одном доме в Литтл Файв Пойнтс с кучей панков и скинов, - ответил Харли. - Одна из моих соседок была скинская телка, ее звали Дарла. Она тусовалась в Духе Шестьдесят Девять.

Моя рука взлетела ко рту, прикрывая безмолвный вскрик. Я знала, чем кончится эта история. Рыцарь мне рассказывал. До меня у него были только скинские телки, которых он снимал в Духе Шестьдесят Девять - баре, где он помогал убираться после закрытия. Когда я спросила, встречался ли он с кем-то из них, Рыцарь ответил: нет, после того, что он с ними делал. Он признался, что причинял им боль. Сказал, что ему нравится «пускать людям кровь». Рыцарь вот так стоял передо мной и говорил, какое он чудовище, а я закрывала на это глаза, потому что в том же самом разговоре он признался мне кое в чем другом. В том, что любит меня.

- Ты ее знаешь? - спросил Харли. Мускулы его лица уже разжались.

Моргнув, я покачала головой.

– Ну так вот, твой дружок изрезал ей всю задницу. Мне пришлось везти ее в больницу, ее там зашивали и делали прививку от столбняка после того, что он с ней сделал.

Зажмурившись, я пыталась отогнать слезы.

Бедная Дарла.

Бедный больной, психический Рыцарь.

– Он тебя тоже так резал? – спросил Харли громче.

Я затрясла головой.

– Но он поднимал на тебя руку?

Я помедлила. Мне хотелось снова помотать головой, но Харли уже знал ответ. И я была никудышным вруном.

– Блин! – заорал Харли, ударяя кулаком по панели. – Богом клянусь, если я когда-нибудь увижу засранца, я его убью.

Благодаря кошачьим рефлексам, которые развились у меня, пока я была подружкой Рыцаря, внезапная вспышка Харли заставила меня подскочить на сиденье. Заметив мою чрезмерную реакцию, Харли, нахмутив брови, потянулся ко мне.

– Эй, – сказал он, беря меня за руку и глядя своими щенячьими глазами. – Я не такой, как он, честное слово. Я никогда не делал женщинам больно. Никогда. Даже если ты дашь мне в морду. Вот. Видишь? – Харли поднял мою руку и ударил ею себя по щеке, снова и снова, всякий раз издавая хлопающие звуки. И не переставал, пока я не начала истерически смеяться.

– А что, если я дам тебе по яйцам? – спросила я сквозь слезы.

– Давай проверим, – сказал Харли, перемещая мою руку от лица к ширинке.

Завизжав, я вырвала руку.

– Козел! – захихикав, я шлепнула его по рукам.

– Ты, похоже, промахнулась. Яйца у меня ниже, – заметил Харли, поднимая бедра и с ухмылкой указывая на выступающую часть.

Я засмеялась, думая, за что же мне так повезло. Я три месяца молилась о ком-то, кто смог бы защитить меня от злобного Рональда Макнайта. О ком-то, кто воспрепятствовал бы ему, вместо того чтобы поднести ему меня на тарелочке, как только он напряжет свои стероидные мышцы. О ком-то, кто не побоялся бы связаться с самим чертом. И вот он – сидит на моем пассажирском сиденье, смешит меня и пытается заставить потрогать своего Джонсона.

Харли Джеймс и вправду был подарком богов.

Глава 8

Я неделями просила на работе дать мне дополнительные смены, и они решили пойти навстречу моей просьбе именно в этот вечер.

Кто-то из сотрудников заболел, и меня попросили несколько дней поработать в вечернюю смену. Я, наверное, могла бы придумать какой-то предлог и отказаться, но А) я очень плохо вру, Б) мне нужны были деньги и В) в тот момент, когда мне позвонили, я была в секунде от того, чтобы зубами сорвать с Харли его промасленную одежду, и я как-то запаниковала.

Я знала этого парня всего два дня. Два дня, и я уже втрескалась. Я помнила, что Джульет говорила, что он еще в школе был бабником. И что его брат говорил, что он был бабником и после школы. И, как бы я ни хотела снова видеть Харли, я знала, что мне надо притормозить. Он стал для меня светом в конце длинного, темного туннеля, и, несмотря на то что этот свет запросто мог оказаться огнями приближающегося поезда, я все равно стремилась ему навстречу.

Подъезжая в четверг к дому Харли, я сосредоточилась на том, чтобы снять ногу со сцепления только после того, как выключу двигатель, на случай, если бы Харли меня увидел. Как можно небрежнее я посмотрелась в зеркало заднего вида и дрожащими руками взяла свои ключи и солнечные очки. Как только я вышла под лучи полуденного солнца, мое сердце сжалось в груди сильнее, чем сжималась моя задница в пушистых бархатных штанах тигровой расцветки.

Я говорила себе, что надела эти штаны потому, что все остальное было в стирке, но даже сама себе соврать не могла. Я знала, надевая утром эти полосатые, эластичные, шлюховатые штаны, что хочу, чтобы Харли стянул их с меня. На самом деле всю дорогу до его дома я была вынуждена бороться с чувством вины, вызванным моим католическим происхождением.

«Ты сама понимаешь, что там будет, верно же?» – шептало чувство вины.

«Вовсе нет, – отвечала я. – Мы просто друзья, у которых совпали выходные, и мы решили встретиться».

Чувство вины закатывало глаза. «Ну да, потусить в пустом доме, пока братец Харли на работе. И, как ты думаешь, чем вы там будете заниматься? Играть в маджонг?»

«Возможно, – думала я. – А может, в видеоигры. Откуда я знаю».

«Эти штаны что-то не похожи на те, в которых играют в видеоигры».

«Иди к черту, Чувство вины».

«О, я думаю, туда мне придется сперва занять очередь. Похоже, туда принимают уже только по записи».

«Фу!»

Сделав глубокий вдох, как будто мне предстояло идти по раскаленным угольям, я прошла через заросшую лужайку во дворе и не выдыхала, пока не нажала на

кнопку звонка. Когда дверь открылась, я сделала новый глубокий вдох – на сей раз практически ахнув. Привычный небрежный пучок Харли был страшно взлохмачен, на челюсти темнела небольшая щетина, и на нем не было ничего, кроме боксеров в клеточку.

Черт возьми.

– Привет, прекрасная леди, – сказал Харли. Его голос был хриплым, а глаза заспанными. Он быстро натянул через голову белую майку и распахнул дверь шире, чтобы я вошла.

– Привет, – сказала я, проходя в гостиную. – Я что, разбудила тебя?

– М-м-м-м-хм-м, – промычал он, закрывая дверь и притягивая меня к себе.

Мне было жаль, что между нами оказалась майка. Мне хотелось ощутить его кожу на своей щеке и под своими руками, сомкнувшись у него на спине.

– Извини, – пробормотала я в мягкую белую ткань. – Но ты просил приехать к полудню.

– М-м-м-хм-м-м, – снова промычал Харли.

Я чувствовала, что он улыбается мне в макушку. Я не думала, что такое возможно, но сонный Харли был еще сексуальнее, чем Харли – опытный механик. И мне ничего так не хотелось, как только вернуть его в ту постель, из которой он встал, и проваляться там с ним следующие два-три дня.

Продолжая обнимать меня за плечи, Харли провел меня в комнату к дивану. Кофейный столик был завален пустыми банками, зажигалками, пепельницами, сделанными из различных автозапчастей, и кальяном для марихуаны.

– Одну секунду, – сказал Харли, отпуская меня. – Хочешь покурить? – спросил он, очевидно заметив, как я пялилась на все эти причиндалы на столике.

– О. Нет, спасибо. От травы мне хочется спать, – ответила я, вытирая вспотевшие ладони о свои пушистые штаны в обтяжку.

Это движение привлекло сонный взгляд Харли к моим тигровым бедрам. Не отводя глаз, он втянул свою пухлую нижнюю губу в рот и затеребил языком колечко в губе.

– Но я бы выпила пива, – ляпнула я в отчаянном поиске чего-то для успокоения нервов. – Ничего, если я возьму одно?

Харли окинул меня возмущенным взглядом, фыркнул: «Пс-с-сш» и удалился в сторону кухни важной походкой сонного сытого льва.

Я наблюдала за ним, тесно сжав бедра и закусив губу. Никакое пиво в мире не могло бы помочь мне собраться в кучку при виде этого... мужчины. Он излучал секс, как никто, и при этом, казалось, ничего для этого не делал. В отличие от меня в моих звериных штанах, коротеньком топике и торчащих красных бретельках лифчика. Я очевидно старалась. Я могла бы с тем же успехом прийти в рекламном щите с надписью «Давай трахаться».

Вернувшись в гостиную, Харли окинул меня взглядом и одарил неспешной одобрительной улыбкой.

– Прелестная леди не берет пиво сама, – сказал он, протягивая мне банку того же дешевого пива.

«Красивая женщина никогда не прикуривает сигарету сама».

Голос Рыцаря прозвучал у меня в голове так же ясно, как в тот день, когда он сказал мне эти слова. На секунду я оказалась совсем не в гостиной Харли. Я сидела в кузове жуткого грузовика Рыцаря, в его куртке, глядя на то, как он прикуривает мне сигарету руками с распухшими, кровоточащими костяшками пальцев.

– Извини. Что? – я моргнула и потрясла головой.

Харли рядом со мной не было. Я обернулась на звук спускающейся воды в туалете и увидела Харли в ванной дальше по коридору. Повернувшись ко мне спиной, он начал чистить зубы – я увидела его отражение в зеркале.

«Он что – только что писал там, не закрыв дверь?»

Не знаю почему, но от этой мысли я улыбнулась.

Когда Харли вернулся в гостиную, на нем были его привычные штаны с цепочкой, но взлохмаченная голова и небритая щетина никуда не делись. Я улыбнулась как идиотка. Отчасти потому, что успела высосать полбанки пива и уже была под хмельком, но еще и потому, что Харли был ужасно милым.

– Чего? – спросил он, косясь на меня.

– Ты писал с открытой дверью, – ответила я, сияя и подтягивая ноги под себя.

– А я и не знал, что ты по этому делу, – ухмыльнулся Харли, плюхаясь рядом со мной на диван. – Если захочешь, могу устроить тебе «золотой душ».

Я пихнула его в плечо, и Харли изобразил, что падает на диван, как будто у меня была сила сотни мужиков.

Блин, я любила Харли.

Поднявшись, Харли потянулся за зажигалкой и кальяном. Кальян был уже набит. Затянувшись, Харли задержал воздух в легких. Выдохнув с легким кашлем, указал на мундштук и спросил:

– Ты не против?

– Да нет. Давай, – ответила я. – Мне даже нравится этот запах. Так пахнет у нас дома.

Харли вопросительно взглянул на меня.

– Мои родители курят травку. Все время. Они хиппи. Моя мама носит биркенштоки и крашеное шмотье.

Харли улыбнулся.

– Мои родители тоже курили, но они байкеры.

– Ага. Я догадалась в ту же секунду, как ты познакомил меня с братом. Харли и Дэвидсон? Seriously?

Харли хихикнул.

– Дейв ненавидит свое имя.

– Если вы почти ровесники и он младше всего на десять месяцев, значит, у тебя скоро день рождения, да? – Что очевидно, я долго об этом думала.

Харли выпустил струю дыма и прокашлял:

– Ага. Девятого августа.

– О, так ты по гороскопу Лев, – сказала я, допивая пиво. – Я люблю Львов. Отличное сочетание с Близнецами. – Я почувствовала, что моя шея заливается краской. Я что, правда только что произнесла люблю и сочетается в одном предложении? Господи. Какие сопли.

Харли, смеясь, закашлялся.

– Да тебя и правда вырастили хиппи.

Я сама взяла еще пива, и, пока пила, мы с Харли болтали. Он был таким забавным и расслабленным, что меня заводило просто нахождение с ним рядом. Его аура окутывала меня, как меховая шаль – теплая, мягкая и сексуальная. Я запоминала все его гримасы и жесты. То, как он прищуривался, поддразнивая меня, и как был похож на щенка бассета, когда старался казаться милым. Как, говоря, проводил рукой по волосам и как посасывал свое кольцо в губе, когда слушал. Но, когда его рука оказалась на моем пушистом бархатном бедре и начала рассеянно поглаживать его, вся моя способность формировать новые мысли и воспоминания улетучилась куда-то в окошко.

Моя способность сдерживать свой чертов рот тоже исчезла, потому что слова «Можно посмотреть твою комнату?» вылетели из него совершенно неожиданно.

Понимающе улыбнувшись, Харли встал и протянул мне руку. Взяв ее, я, слегка стесняясь, позволила провести меня по коридору. Стыдно мне не было. Мои трусики были мокры от жара его глаз, тепла его слов и огня, полыхающего на кончиках его пальцев. Внимание и прикосновения Харли прогоняли тьму прочь. Я снова была собой. Я хотела его, а поскольку мое чувство вины вырубилось от выпитого пива, то я не видела ни единой причины отказывать себе в желаниях.

Может, мне и было всего шестнадцать, но после всего извращенного, нездорового, кровавого траханья, которому подвергал меня Рыцарь, я была так далека от девственного состояния, как это только возможно. Я была не просто опытной – я была знатоком. И в доказательство у меня были шрамы и пирсинг. С Харли я превращалась в хихикающую школьницу, но там, в спальне, я собиралась показать ему, какая я на самом деле взрослая.

Ну, до тех пор, пока не увидела собственно спальню.

– Харли! А где вся мебель? – едва не подавилась я, замерев на пороге.

В его комнате был матрас на полу... И, собственно, все.

Пожав плечами, Харли обернулся.

– Что? Тебе не нравится моя обстановка?

– Это похоже на ночлежку. Ты что, скрываешься от полиции? – Да, мой фильтр сегодня точно взял выходной.

Помолчав, Харли спросил с непроницаемым выражением лица:

– А если и так, то что?

Он что, всерьез? Харли никогда не говорит всерьез. Нет, он наверняка прикалывается.

– Даже если ты в бегах, это не значит, что ты не можешь повесить тут пару плакатов. Господи! – Отпустив его руку, я подошла к противоположной стене,

чтобы открыть ставни и впустить немного света. – Ты говорил, что живешь тут пару месяцев? А выглядит, как будто ты въехал вчера. Тебя что, ограбили?

Харли, ухмыляясь, прислонился к косяку и слушал, как я сокрушалась об отсутствии декора. Когда я, совершенно удрученная, подошла к нему, он взял меня за руку и сказал:

– Да брось ты. – После чего снова вытащил меня в коридор.

– Куда мы идем? – спросила я, когда мы, пройдя гостиную и кухню, направились к задней двери.

– Мы идем обставлять комнату, на хрен.

Рев 429-дюймового мотора машины, восхитительное дрожание сиденья подо мной, то, как напрягались у Харли мускулы и вены под узором тату, когда он переключал передачи, и его рука, поглаживающая мои пушистые штаны во время езды в «Трэш» – мой самый любимый магазин в Литтл Файв Пойнтс, – довели меня практически до оргазма.

Эта поездка помогла мне понять несколько вещей. Первое, что я обнаружила, это то, что если влить за час две банки пива в пустой желудок сорока-с-чем-то-килограммовой девочки, а потом посадить ее в быструю, тряскую машину минут на пятнадцать, то к моменту, когда вы прибудете в пункт назначения, ее укачает ко всем чертям. Второе, что я поняла, – попросить Харли отвезти меня в лавку в Литтл Файв Пойнтс было очень, очень плохой идеей.

Литтл Файв Пойнтс всегда был моим любимым местом. Это крошечный райончик на восточном краю Атланты, где полно необычных лавочек, аутлетов винтажной одежды, магазинов старых пластинок, тату-салонов, баров, магазинов благовоний. Там полным-полно граффити на стенах. Там тусуются все уважающие себя панки, скины, готы, хиппи, растафарианцы и скейтеры, и, до тех пор, пока Харли не поставил свой «босс» в дальнем углу парковки позади тату-салона «Терминус», я всегда считала это место своего рода домом.

Еще до того, как он успел выключить мотор, я почувствовала, как забилося сердце у меня в груди. Оно словно пыталось вырваться оттуда. Я практически видела, как оно пытается раздвинуть грудную клетку. Мой взгляд упал на узкий проход, разделяющий тату-салон и фетиш-клуб в соседнем здании, и я перестала дышать. Это был наш проход. Именно там Рыцарь нашел меня, блюющую от экстази и алкоголя, привел к себе на работу и позаботился обо мне. На этих ступеньках я провела множество пятничных вечеров, куря и болтая с ним, когда тату-салон закрывался. В этом же салоне он делал мне тату, пирсинг, трахал меня, любил, открывался мне и показывал всех демонов, пожирающих его изнутри.

Тех, что рвали.

Тех, что убивали.

Невидимые руки обхватили и стиснули мое горло, едва я вспомнила вечер, когда все пошло к черту. В тот вечер погиб невинный человек. В тот вечер Рыцарь впервые в ярости поднял на меня руку. В тот вечер он столкнул меня с этой лестницы и навсегда выгнал из своей жизни. У меня в глазах заплясали звезды, а пространство машины сжалось, поглощая меня, заглатывая целиком, заключая в темницу.

– Эй, – ворвался в мое сознание мягкий, хриловатый голос Харли, как легкий ветерок издалика, пробудивший меня от кошмаров.

Я почувствовала его руку на бедре. Он потирал его.

– Эй, ты в порядке? Детка, что случилось?

«Детка. Он назвал меня деткой?»

Мои основные инстинкты вернулись к жизни, и меня словно окутало теплом. Я вдохнула жизнь полными легкими, практически задыхаясь от счастья, что снова могу дышать. Харли гладил мое бедро, это было прекрасно. С ним я была в безопасности. Рыцарь уехал, со мной был Харли. Я в безопасности. Все хорошо.

Все хорошо.

Я быстро заморгала глазами. Харли обеспокоенно нахмурился, протянул руку и приподнял мой подбородок.

– Извини, – сказала я, откашлявшись. В горле саднило от только что перенесенного невидимого удушья. – Я целый день не ела. Наверное, на секунду вырубилась.

– Черт, леди. Пошли покормим тебя. Куда ты хочешь?

– Только не в «Яхт-клуб», – сказала я слишком быстро, вспомнив, что там на одном из столов было вырезано «Рыцарь любит Биби».

Харли отвел меня в забавный мексиканский ресторанчик, открывшийся на месте магазина старых запчастей.

«Подходяще», – подумала я.

Они сохранили там высокие железные гаражные двери и огромные промышленные вентиляторы на потолке. Стены были украшены росписью, спускающейся с потолка на разной высоте, а все столы и стулья были разными, винтажными, и такими же разными были зонтики на террасе. Все было потрепанным и ужасно милым. Прямо как сам Харли.

Запихав в себя добрых полтора кило чипсов в сырном соусе, я почувствовала себя процентов на пятьсот лучше. Когда мы закончили, Харли бросил на стол несколько купюр, и мы ушли – так же, как в Доме Вафель. Это было как-то странно. Он ездил на безумно дорогой машине и платил за еду так, как будто деньги ничего не значили, но при этом жил в крошечном домике вместе с братом и спал на полу на матрасе. Это как-то не сочеталось, но за последние несколько месяцев я уже поняла, что ничего не имеет чертова смысла. Люди врут. Притворяются. Они чертовски двуличны. Даже лучшие из них. И если тебе вдруг повезло найти кого-то, с кем тебе хорошо, то тебе реально повезло.

Когда мы с Харли шли через улицу, направляясь в «Трэш», я для поддержки схватила его за руку. Я не смотрела туда, где мы с Рыцарем впервые поссорились прямо посреди улицы. Я не смотрела на скамейку, где мы сидели в день Валентина и думали о своем будущем. И уж точно я не смотрела на старое викторианское здание, в котором, по словам Рыцаря, он хотел бы жить со мной и

чинить дом по выходным.

Но я не могла избавиться от мысли, что за нами следят. Что мой самый страшный кошмар затаился где-то в тени и на губах у него выступает яростная пена при виде того, как я разгуливаю с другим по его территории, как я отвергла все, что мы с ним делали вместе.

«Нет, – подумала я. – Рыцарь уехал. Его нет, и ты в безопасности».

Эти слова успокаивали меня, так что я снова и снова повторяла их про себя.

«Его нет».

«Ты в безопасности».

«Его нет».

«Ты в безопасности».

«Его нет».

Я сжала руку Харли, и он ласково улыбнулся.

«Ты в безопасности».

Оказавшись в магазине, я перенеслась в причудливый мир фантазий, и это наконец отвлекло меня. «Трэш» был Диснейлендом для фриков и трансвеститов. Сувениры, секс-игрушки, разные прибабасы для курения, стрип-туфли мужских размеров, одежда для всех субкультур, контркультур и переживших пол и самые безумные штуки для дома, которые можно купить за деньги.

Харли чмокнул меня в губы, прежде чем отпустить, – и у меня сжалось сердце. Потом он исчез в отделе позади лавки, где продавали траву, а я нырнула в кроличью нору домашних принадлежностей.

Мне нужна была тема. Машины – слишком уж очевидно. Харли был как бы панком, но плакаты с группами – слишком подростково. Я прошла мимо вешалки с черными майками с напечатанными на них белыми черепами, и у меня возникла идея. Схватив четыре штуки, я решила, что сошью из них наволочки на маминой швейной машинке. Может, даже добавлю бахрому, чтобы придать легкий индейский намек.

Потом я выбрала рамку с нарисованным чернилами анатомически правильным сердцем. Точно. Вот тема – части тела. Но в ту же секунду, как я схватила рисунок, вся лавка куда-то пропала. Я обнаружила, что сижу на уроке химии и держу в руках листок из блокнота, покрытый психотическими печатными буквами, с большим рисунком анатомически правильного сердца посередине. Поморгав, чтобы отогнать эту картину, я зашвырнула рамку с рисунком обратно на полку, как будто на ней сидел здоровый паук.

«Его нет».

«Ты в безопасности».

Я продолжала болтаться по отделу домашних принадлежностей, думая, что могло бы понравиться Харли. Я совсем не знала его, но уже понимала, что, скорее всего, излишне стараюсь. Я могла бы выбрать аквариум, полный резиновых мышей, или манекен в цилиндре и со straponом, и Харли среагировал бы одинаково. Он улыбнулся бы. И купил бы это. И, скорее всего, поставил бы у себя в комнате, ни на секунду не задумавшись.

И это была девятьсот восемьдесят восьмая причина, по которой я так запала на Харли Джеймса.

В конце концов я выбрала чучело кроленя – такого как бы кролика с оленьими рогами. Ну, все же любят кроленей. Сунув рогатое чудо природы подмышку, я направилась в конец магазина, но вдруг замерла.

Там, в углу, полускрытый за вышитой занавеской, стоял крутейший на свете стул. Это был простой деревянный стул с белой обивкой, но на задней стороне его спинки было напечатано очень реалистичное изображение позвоночника и грудной клетки, а на сиденье – таз и берцовые кости. Это было великолепно. Смешно. И, самое важное, попадало в тему.

Пока я осматривала это произведение искусства, Харли подошел ко мне сзади. Он обхватил меня руками за талию, положил колючий подбородок на мое голое плечо, и мы молча стали рассматривать стул.

- Мне так нравится, - сказала я громким шепотом.

- Ну и бери, - ответил Харли, легко целуя меня в плечо. А потом еще раз, повыше, и еще, и еще.

Поцелуи Харли поднимались от плеча к мочке уха, по моей коже пробежал огонь, а вагина начала сжиматься. Если я действовала на Харли хотя бы в половину так, как он действовал на меня, то у него должен быть дикий стояк, но он не прижимался им ко мне. Не давил на меня. Ждал, чтобы я была первой.

И это была девятьсот восемьдесят девятая причина, почему я так напрочь запала на Харли Джеймса.

Пока мы шли к кассе - я с чучелом кроленя и охапкой маек, и Харли, несущий стул, - он остановился перед коллекцией полутораметровых металлических статуй средневековых рыцарей в полных доспехах.

Выбрав одного, Харли положил на него свободную руку, повернулся ко мне и спросил:

- А как насчет...

- Нет! - вскрикнула я так громко, что на нас стали оборачиваться.

У Харли расширились глаза, и он медленно, как будто я держала его на мушке, вернул рыцаря на место.

- Ладно, ладно. Леди не нравятся рыцари. Буду знать.

На кассе Харли вытащил из пухлого бумажника две стодолларовые купюры, чтобы заплатить за все выбранное мной барахло. Я смотрела, будет ли он брать сдачу. Он взял ее, но тут же запихал в мою бездонную сумку. Я начала ругаться

и попыталась выгрести оттуда деньги, но руки у меня были заняты, а Харли со стулом уже выходил из магазина.

«Он торгует наркотиками», – прошептало мне виноватое подсознание.

«Иди к черту, Чувство вины, – огрызнулась я. – Может, механики хорошо зарабатывают».

«Говори-говори, детка», – снисходительно прошептало чувство вины.

Мы с Харли вернулись к его машине, поглядели на барахло у нас в руках, потом на «босс», потом друг на друга и захохотали. Харли поставил свой новый стул на парковку, закурил и сел на него. Он небрежно закинул одну руку на спинку, а другой оперся на колено. Что-то в его позе напоминало мне короля на троне – небритого, татуированного короля в его запущенных владениях.

Всегда готовая к вызову, я оглядела машину, проделывая в уме всевозможные вычисления, и спросила:

– У тебя есть место в багажнике?

Лицо Харли из расслабленного в мгновение ока стало сосредоточенным.

– Нет, – твердо ответил он. – Багажник забит.

И все тут. «Багажник забит».

Он ничего не объяснял. Не предлагал что-то переложить, чтобы высвободить немного места. Багажник был недоступен, как и обсуждения.

– Ну ла-а-а-а-адно... – протянула я, хмурясь на такую неожиданную перемену в поведении. – Попробуем что-нибудь еще.

Втиснув кроленя и майки на крошечное заднее сиденье позади водителя, я отодвинула пассажирское сиденье назад, насколько было возможно. Потом щелкнула пальцами в сторону Харли, показывая, чтобы он принес стул. Он поднес его ко мне, и мне удалось засунуть его туда вверх ногами и угнездить на

пассажирском сиденье, как кусочек пазла.

- Ха! - воскликнула я, оборачиваясь и тыча пальцем в грудь Харли. - Получилось!

Харли заглянул мне через плечо, оценивая дело моих рук, и с ухмылкой сказал:

- Неплохо! Ну, а куда сядешь ты?

- Вот черт, - пробормотала я, оборачиваясь, чтобы еще раз оценить обстановку.

Оба передних сиденья были отодвинуты до упора: одно - чтобы уместить стул, а другое - чтобы уместить длинные ноги Харли, и не было шанса, что я умещусь на заднем сиденье, не выколов себе глаз кроленьим рогом.

Колесики в моей голове продолжали лихорадочно крутиться, а Харли тем временем обошел машину и сел на водительское место. Потом поглядел на меня из открытой дверцы сияющими глазами с мрачным выражением и сказал:

- Ну, похоже, тебе скакать.

Я удивленно подняла брови.

- Я думала, скачет тот, кто сидит посередке на заднем сиденье.

- У меня это не так, - ответил он, хлопая по коленкам.

Не имея возможности, да как-то вдруг и желания, искать другой способ, я захлопнула пассажирскую дверцу и практически заползла на сторону Харли. Я забралась к нему на колени и села боком, сунув ноги на свободное место на пассажирском сиденье. Боясь закрыть обзор, я прижалась головой к плечу Харли и легонько поцеловала его в ямку на подбородке.

- Черт, - прошипел Харли, захлопывая дверцу одной рукой и стискивая мое бедро другой. Его член надулся и затвердел у меня под задницей, и Харли накрыл мой рот своими проклятыми губами. Левая рука Харли ерошила мой пушистый бритый затылок, а правая впивалась в мое тело под пушистыми тигровыми штанами.

Холодный металл колечка в его губе потеплел от прикосновения к моим губам. Я не могла дожидаться, чтобы услышать, как оно звякнет о гантельку в моем клиторе. Или в одном из моих сосков.

Черт.

Мысль о пирсинге вернула меня к реальности. Рыцарь сделал его своими руками не более чем в ста метрах отсюда. А теперь я тут с другим парнем, другим мужчиной, на той же самой чертовой парковке. Нам надо убираться отсюда. Надо убираться отсюда сейчас же.

- Поехали домой, - прошептала я в раскрытые губы Харли.

Харли завел мотор, врубил кондиционер на полную и выехал с парковки, одним глазом поглядывая на дорогу и не расцепляя язык с моим. Я постаралась отодвинуться, чтобы Харли мог вести, но это было непросто. Мои губы продолжали пощипывать и покусывать его шею и подбородок. Между переключением передач правая рука Харли ныряла ко мне между ног, отчего у меня захватывало дыхание. Он проводил пальцем по шву моих штанов, в промежность, посылая электрический разряд по всему телу.

Повернув ко мне голову, Харли вдруг прорычал:

- Передачу. На четверку. Сейчас.

Высвободив левую руку, я нащупала ручку передачи. Харли нажал на сцепление, и я перевела ее на четвертую.

Машина прибавила скорости, а рука Харли скользнула под резинку моих штанов в промокшие трусики. Едва его палец нащупал сталь, Харли взревел: «Черт возьми!», вдавливая мне в бедро пивную банку своей эрекции. Он несколько раз обвел побрякушку пальцем, а потом сказал: «Я должен это увидеть» таким хриплым голосом, что я сперва его не узнала.

- Смотри на дорогу, - выдохнула я в ответ.

Харли вытащил руку и, зажав в кулак эластичную ткань, одним движением сдернул с меня штаны и трусики, чтобы увидеть, что он нашупал.

– Господи, – пробормотал он. – Пирсинг и все наголо. Да кто же ты? – Отпустив мою одежду, он быстро свернул на боковую улицу.

– Я хотела спросить у тебя то же самое, – призналась я, впиваясь в его шею так, что там должны были остаться следы.

Я понимала, что мы приближаемся к дому, потому что Харли стал чаще менять передачи и поворотов стало больше.

– Я – парень, который собирается через полминуты вылизать эту киску, – прорычал он, и я почувствовала, как машина, подпрыгивая, устремилась вниз по холму.

Вокруг стало темно – Харли въехал в гараж за домом. Он поднял ручник, распахнул дверь, не выключая мотора с кондиционером, и выскользнул из-под меня. Встав на колени на цементном полу гаража, Харли ухватил меня за бедра и развернул так, что я оказалась сидящей боком на водительском месте. Обеими руками он спустил мои штаны вместе с промокшими трусиками. Затем, присев на корточки, развел мои колени в стороны опытными руками человека, разбирающегося в механизмах.

В гараже было жарко, но от того, как Харли облизнул губы, глядя на мою обнаженную плоть, по мне пробежал холодок. Его руки скользнули выше по моим бедрам, его голова нырнула вперед, и внезапно скользкое тепло встретилось со скользким теплом. Харли провел языком по всей моей киске, как по стаканчику с мороженым. Как будто он хотел проглотить все целиком. Я оперлась локтями о центральную консоль и уперлась головой в деревянную крышку, когда Харли развел мои бедра еще шире. Раскрыв меня, он лизнул снова. И снова.

Подо мной рычала и дрожала машина, и это усиливало ощущения. Когда Харли засунул в меня толстый палец, мое тело благодарно сжалось вокруг него. Изогнув его, Харли погладил место, о существовании которого я даже не подозревала, и я в ответ выгнула спину и бесстыдно застонала. А когда он перешел от долгих, мучительных движений к быстрым касаниям языком по моей

гантельке, я вцепилась в консоль обеими руками, откинула голову и завизжала.

Когда я снова вернулась на землю, Харли уже выключил мотор, поднял меня на руки и понес по задней лестнице в дом. Штаны так и болтались у меня на щиколотках. Он пинком раскрыл заднюю дверь, посадил меня голой задницей на кухонный прилавок и крепко поцеловал.

– Сними это все, – простонал Харли, похлопав меня по ноге.

Наклонившись, я справилась со своими ботинками, штанами и трусами, но не отпускала губ Харли до тех пор, пока он не стянул с меня через голову топик. Пока он снимал рубашку, я быстро расстегнула лифчик и сунула его в сторону, не желая, чтобы Харли обнаружил, что тот весит три кило и наполнен водой.

При виде его члена у меня расширились глаза и отвисла челюсть. Я не была сложена для членов размером с банку чипсов «принглс», но передо мной снова был именно такой.

Мой шок утих, когда Харли, вытянув обе руки, провел подушечками больших пальцев по моим соскам.

– Это крылышки? – спросил он с восторгом в голосе.

В этот момент я позабыла о своих переживаниях по поводу полного и абсолютного отсутствия сисек. На гантельках в моих сосках вместо шариков были крошечные серебряные крылышки. Это украшение для меня выбрал Рыцарь, и я изо всех сил пыталась вытеснить этот факт из головы, когда рука Харли накрыла мою крошечную грудь, а его рот соединился с моим. Шагнув вперед, Харли прижался своей эрекцией к моему трепещущему нутру. Мы целовались, и он скользил вверх-вниз, купаясь в моих соках, которые я сама могла ощущать у него на губах.

– Что ты хочешь? – выдохнул он мне в губы.

– Трахаться с тобой, – ответила я.

Это была правда. Плохо ли, хорошо ли, но я хотела трахаться с Харли Джеймсом и хотела этого с того самого момента, как только увидела его. Мне было плевать, правильно это или нет. Это был мой выбор, и я выбирала, чтобы мне снова было хорошо. Я выбирала радость, а не отчаяние. Я выбирала Харли, а не призрак.

Зарывав, Харли крепче сжал мою задницу.

- Черт, - прошипел он, начиная тереться об меня. - Скажи это снова.

- Я хочу с тобой трахаться, - повторила я, втягивая в рот его нижнюю губу.

Не успел он продолжить, как у меня в голове противный монотонный голос произнес: «Бабник».

Это было предупреждение Джульет, прозвучавшее у меня в ушах, как заезженная пластинка.

«Этот парень - бабник. Лучше предохраняйся как следует».

«Бабник... бабник... бабник...»

И, как бы я ни была готова к сладкому забвению, которое предлагал мне Харли, я знала - есть только один способ заставить Джульет заткнуться.

Упершись руками в упругий живот Харли, чтобы остановить его натиск, я сглотнула и прошептала: «Презерватив?» У меня в сумке они были, но она осталась где-то там, в машине.

Наклонившись, Харли зашарил по карманам штанов, пока не нашел маленький пакетик, засунутый в бумажник. Ухмыльнувшись, он содрал обертку и, не глядя, швырнул ее куда-то на пол. При виде того, как он раскатывает кулаком защитный слой по всей длине своего хозяйства, я шире раздвинула ноги и обеими руками вцепилась в край прилавка, на котором сидела.

Когда Харли снова оказался между моих ног, то вместо того, чтобы взять меня прямо там, на кухонном прилавке, он подхватил меня двумя руками под задницу

и поднял. Заверещав, я обхватила его руками за шею, а он повернулся и положил меня на спину на кухонный стол.

Улыбаясь, Харли приподнял мои колени так, что они уперлись в его грудную клетку, и оперся на руки. Зажмурив глаза, я приготовилась к боли, но Харли входил в меня очень аккуратно. Он продвигался вперед постепенно, давая мне время приспособиться, проводя языком по моим губам. Он ждал, пока я не начала поднимать бедра, чтобы впустить его глубже, и не входил до конца до тех пор, пока я не впились пятками в его спину, умоляя наконец сделать это.

Больно не было. И тут впервые в жизни я поняла, что это необязательно. С Рыцарем больно было всегда. Если не из-за его размера, то от его зубов, его ножа или его пирсинговой иглы. Я выучила, что наслаждение и боль приходят вместе, но с Харли было только наслаждение. Он заботился об этом.

- Тебе нормально? - прошептал он, оказавшись во мне целиком. - Ты такая тугая.

Я кивнула, прижавшись к нему тазом.

Харли просунул руки мне под спину и обхватил мои плечи. Медленно выйдя, он снова наполнил меня - на сей раз не так глубоко. Я видела, что он осторожен со мной, и, хотя я ценила его заботу, это было не то, к чему я привыкла.

Я привыкла к кровопролитию.

- Харли, - прошептала я, упираясь пятками в его спину и поднимая бедра ему навстречу.

- Черт, - прорычал он. - Если ты будешь так делать, я не смогу удержаться.

- И не надо, - взмолилась я.

«Сожри меня живьем».

Хватка Харли на моей спине и плечах окрепла, и он набрал скорость. Толчки и скольжение были прекрасны. Скрип стола при каждом ударе звучал в моих ушах как музыка. Собственный вкус на губах Харли опьянял. Но, когда я захватила его

губу зубами и присосалась к колечку, выдержка Харли рухнула. Он начал вонзаться в меня со всей силой, с каждым толчком наполняя меня целиком. Я обхватила его за шею и старалась удержаться, что было правильно, потому что поскрипывание стола внезапно превратилось в треск и дребезг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/iston_bibi/gonschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)